

Территория Дозоров

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

ОЛЕГ ДИВОВ, АЛЕКСАНДР ЗОРИЧ,
ЕВГЕНИЙ ЛУКИН, АЛЕКС ДЕ КЛЕМЕТЬЕ,
СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ
и другие

Лучшая фантастика 2019

ВРЕМЯ ДЛЯ НОВОГО РАССКАЗА СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО!

Олег ДИВОВ

**Территория Дозоров. Лучшая
фантастика – 2019 (сборник)**

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дивов О. И.

Территория Дозоров. Лучшая фантастика – 2019 (сборник) /
О. И. Дивов — «Издательство АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-112263-8

Новый сборник захватывающих и необычных историй отечественных авторов – как признанных мастеров, так и ярких представителей нового поколения, – в котором найдется все: от фантастики ближнего прицела до темного фэнтези. Открывает сборник новый рассказ Сергея Лукьяненко «Все мое время» из цикла «Стройка века», полный фирменного авторского юмора и обаяния. В формате pdf.a4 сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112263-8

© Дивов О. И., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Сергей Лукьяненко	6
Дмитрий Казаков	18
Андрей Столяров	32
Алексей Калугин	44
Леонид Кудрявцев	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Территория Дозоров. Лучшая фантастика – 2019 (сборник)

© А.Т. Сеницын, составление, 2018

© Коллектив авторов, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Сергей Лукьяненко

Всему свое время

– Смерть бракоделам! – закричал генерал Хуан.

Шеренга солдат, стоящая за грузной фигурой бывшего диктатора Проциона-2, вскинула лазерные ружья.

– Львович! – в ужасе закричал Петрович, обращаясь в бегство. Ледяная пустыня, где они со Львовичем когда-то по ошибке строили концлагеря для генерала-диктатора, внезапно превратилась в берег тропического моря. «Уйду под водой», – подумал Петрович с той легкостью мысли, которая бывает только во сне. Но из ласковых волн, накатывающихся на золотистый песочек, внезапно вынырнула жуткая зубастая пасть принца Буля, чью земную резиденцию Петрович со Львовичем случайно превратили в натуральную камеру пыток.

– Клиент пришел! – проревела гигантская рыба, вращая выпученными глазами.

– Львович! – снова воззвал к начальству Петрович. В руках его внезапно оказалась лопата, и он отважно замахнулся на Буля.

Но изо рта Буля вдруг высунулся Львович и замахал Петровичу рукой.

– Давай, заждайся уже! Обед готов! – прокричал Львович.

Петрович в ужасе выронил лопату, упал на песок и проснулся.

Начальник стоял над ним с открытой банкой пива и хмурился. Львович был одет вольно и по-летнему – шорты и тапочки. Петрович подергался и осознал, что лежит в гамаке – тоже в шортах, футболке и со сползшими с лица солнцезащитными очками. Над ним было голубое земное небо, ветки яблонь, от мангала тянуло вкусным запахом шашлыка, из бассейна доносился плеск и детский визг.

– Что снилось, Петрович? Кошмар какой-то? – сочувственно спросил Львович.

– Ты не поверишь, начальник... обычный производственный процесс снился... – выбираясь из гамака, сказал Петрович. Утер пот со лба. Посмотрел на бассейн – там его дочь Вика и сын Львовича Паша с переменным успехом пытались утопить друг друга. Жены Львовича и Петровича, выглядящие куда моложе и подтянутее мужей, загорали рядом в шезлонгах.

Долгие годы совместной работы, пережитые испытания и тяготы строительного бизнеса в двадцать втором веке не только сплотили директора и прораба фирмы «Откосы и отвесы», но и крепко сдружили их семьи. Вот и сейчас, глядя, как его Вика молотит Пашу по голове надувным мячом, Петрович подумал: «Может, вырастут – вообще породнимся...» Но в следующий миг Паша ускользнул от Вики и ловко притопил девочку. «Нет, лучше не надо», – решил Петрович, хмурясь. Спросил:

– Обед, говоришь, готов?

Львович нахмурился.

– Я про обед ничего не говорил. Мы же час назад пообедали. Я тебе говорю – клиент готов. Заждался уже.

– А... – Петрович наконец вспомнил, что сегодня на дачу ко Львовичу собирался прийти какой-то тип. – Львович... да остынь уже. Что тут поделаешь. Нам запрещено...

– Давай его послушаем? – Львович твердо взял Петровича за плечо и потащил за собой. – Что, от нас убудет?

– Закон мы нарушать не станем! – на всякий случай уточнил Петрович, но покорно двинулся за начальником.

Клиент ждал их на залитой солнечным светом террасе. Дачу для себя Львович строил на совесть, только для порядка зависил смету в два раза – ну, все равно же с него ничего не убыло, просто чтобы хватку не терять. Терраса была просторной, в стиле летних усадеб русской

аристократии начала двадцатого века – сплошь стеклянные окна, деревянная мебель, на столе стояла гордость Львовича – настоящий медный самовар.

Клиент, однако, чай не пил. Скромно сидел за столом, а над головой его висел в воздухе черный диск, заливающий клиента потоком тьмы. Петрович почувствовал невольное уважение – генератор темноты стоил бешеных денег, это ведь не лампочка.

– Аллергия на ультрафиолет, – пояснил клиент, глядя на Петровича. – Но не бойтесь, не вампир. Ха-ха.

Львович вежливо рассмеялся, Петрович поддержал начальника. Клиент в конусе изливающейся из диска тьмы был едва видим, но, судя по всему, это был мужчина лет сорока, с острыми чертами лица, ниточкой усов над тонкой губой и – будто не хватало генератора тьмы – в солнцезащитных очках.

– Так мы готовы вас выслушать, мистер Джон Доу.

– У меня большой заказ. – Мистер Доу помедлил секунду. – Очень большой объем работ. Очень-очень.

– Стройка всегда зависит от трех факторов, – осторожно произнес Львович. – Объем работ – это первое.

– Финансирование – это второе, – добавил Петрович.

– И время на выполнение заказа – третье, – закончил Львович.

– Проблем не будет ни с объемом, ни с финансами, ни со временем, – торжественно сказал клиент.

– Еще четвертый фактор, – осторожно добавил Петрович. – Видите ли, наша основная рабочая сила – андроиды. Прекрасные, трудолюбивые, послушные андроиды. Но если требуется очень тонкая отделка – они... не очень.

– Там сложность в масштабах стройки, а не в тонкостях, – сказал клиент. – Я строю парк развлечений. Огромный парк с массой сооружений – «Семь чудес света». Мне нужно все, чем славится наша Земля. Мне нужны египетские пирамиды. Нужна Великая Китайская стена. Нужны висячие сады Семирамиды и Колосс Родосский... Понимаете?

Петрович и Львович переглянулись.

– Это справимся, – решил Петрович. – Горючее получше и... Справятся мои андроиды. Но есть еще одна... тонкость.

– Где строить будем? – прямо спросил Львович, и друзья выжидающе уставились на клиента.

– А есть какая-то разница? – удивился мистер Доу. – В наш век межзвездных перелетов...

– Они нас как раз не пугают! – махнул рукой Львович. – Но если в пределах Солнечной системы...

– То нам запрещено, – убитым голосом признался Петрович. – Видите ли, была у нас маленькая проблема на Венере... Строили для «Газпрома» комплекс по добыче кристаллического газа. У них там странные законы, запрещено использовать труд андроидов, и мы их...

– Покрасили в зеленый цвет, – вздохнул Львович. – Сказали, что это гастарбайтеры из системы Лебеда. Цену предложили в два раза ниже, чем у конкурентов, и выиграли тендер. Все было прекрасно! Но тут на стройку явился посол лебедян... оказалось, что у них праздник обрезания щупалец, и посол решил лично... Был небольшой скандал.

– Большой, – негромко признал Петрович.

– Нам в итоге выдали судебное предписание.

– Решением венерианского суда – запретить компании «Откосы и отвесы» начиная с 1 июня 2128 года выполнять строительные работы в пределах Солнечной системы, включая все планеты, планетоиды, астероиды и облако Оорта, – неожиданно процитировал клиент и рассмеялся. – Ничего страшного. Скажу честно, именно эта история и привлекла мое внимание. Глупое крючкотворство, издевательство над рабочим человеком! А я люблю, знаете ли, вос-

становливать историческую справедливость. Строить будем на отсталой землеподобной планете, так что не волнуйтесь.

Петрович вдруг почувствовал, что клиент ему нравится. Нечасто встретишь у клиента понимание всей специфики строительных работ!

– От души строить будем, – пообещал он. – На века!

– Только как насчет аванса? – поинтересовался Львович.

– Вас устроит оплата рубинами и бриллиантами? – Из темного конуса высунулась тощая рука и высыпала на стол мешочек грубо ограненных драгоценных камней. Были там и бриллианты, и рубины, и несколько изумрудов. – Сгодится в качестве задатка? Не люблю бюрократию, знаете ли. Все эти транзакции, банковские проводки... налоги...

Львович осторожно взял со стола бриллиант размером с кулак. Откашлялся. Сказал:

– Нам надо оценить... но полагаю, что как аванс этого хватит.

– Вот и прекрасно. – Клиент встал, диск тьмы взлетел над ним повыше. – Тогда не буду вас больше задерживать. Договор заключим в электронном виде, завтра в семь утра жду вас на городском космодроме.

Петрович молчал до тех пор, пока клиент под зонтиком из тьмы не прошествовал сквозь участок к ожидающему его лимузину. Только после этого позволил себе сказать:

– Львович... Если камни настоящие... то считай, что мы уже заработали. Как-то мне не по себе.

– Это ерунда, Петрович, – рассеянно произнес Львович. – Вот когда жены наши узнают, что мы завтра утром улетаем, – вот тут нам и станет не по себе.

– Львович... Если камни настоящие... – Петрович покрутил в руках сияющий камень. – Едва они это увидят – сами в дорогу вытолкают.

Львович с сомнением покачал головой.

* * *

В очередной раз Петрович убедился в мудрости своего начальника.

Нет, конечно, драгоценности произвели впечатление. И то, что «Откосы и отвесы» получили крупный заказ, жен порадовало. Но вот необходимость завтра утром улетать на стройку...

– Вы понимаете, что дети вас практически не видят! – воскликнула Наталья, жена Львовича. – Ты хоть помнишь, сколько Вике лет?

– Двенадцать! – твердо ответил Львович.

– Ей почти четырнадцать! Так и детство у ребенка пройдет без папы.

– Да можно сказать, что уже прошло, – согласилась жена Петровича, Аделаида. – Мы собирались...

– Вы собирались, – уточнила Наталья.

– Съездить с детьми в Сыктывкарский Диснейленд. Вы третий год это обещаете.

– Дорогая, но это же наш шанс заработать кучу денег! – возмутился Львович. – Нам не нужны деньги?

Женщины примолкли.

– Свозите их сами, пока мы будем трудиться на благо семей, – попытался Львович закрепить успех.

Это был неудачный ход.

– Мы с Натальей уже оплатили европейский круиз. – Аделаида страдальчески посмотрела на Петровича. – Прекрасный лайнер, одних SPA-салонов – четырнадцать штук. С заходом на Марс и Ганимед перед Европой. Мы имеем право на отдых?

– Имеете, – согласился Петрович.

– А дети имеют право на парк аттракционов, – поддержала Наталья.

И тут Львович встрепенулся.

– Дорогая, – сказал он. – Выход есть. Мы же как раз летим строить парк аттракционов! Гигантский, по сравнению с ним Диснейленд – полянка в лесу. Мы берем Пашку и Вику, руководим стройкой, а дети прекрасно отдыхают, знакомятся с местными достопримечательностями. Это все совершенно безопасно.

– И кстати, бесплатно... – добавил Петрович.

Жены переглянулись.

– Опять же, – Львович принялся ковать железо, пока оно не остыло, – дети растут. Хорошо бы им определяться с будущей профессией. Надо же кому-то бизнес оставлять?

Наталья и Аделаида снова переглянулись. Иногда Львовичу казалось, что женщины давно освоили телепатию, только скрывают это от мужчин. Он посмотрел на Петровича. «Да, я тоже так думаю», – подтвердил взглядом Петрович.

– А вот это интересно, – сказала Наталья.

* * *

... В Шереметьево-Z, как обычно по утрам, было многолюдно. Львович и Петрович продирались сквозь толпу, направив перед собой чемоданы. Чемоданы были большие, крепко побитые за свою долгую службу, они с рычанием левитировали у самого пола, пробивая хозяевам дорогу и временами обмениваясь раздраженным электронным писком с чужими чемоданами. За Львовичем и Петровичем плелись сонные Вика и Паша. От необходимости вместо парка аттракционов отправиться на стройплощадку подростки в восторг не пришли. Но выбора у них не было. Вика шла надув губы и высматривала модные новинки в витринах магазинов, Паша не отрывался от планшета, над которым прыгали и молотили друг друга средневековые воины.

– Ничего, всем на пользу пойдет, – воодушевленно говорил Львович. – Вот увидишь, с этого проекта начнется белая полоса.

– Не сглазить бы, – шепотом сказал Петрович.

Корабль заказчика стоял на дальнем причале. При виде сверкающего корабля ультрасовременной конструкции Львович с завистью вздохнул, а Петрович задумался, не стоило ли запросить с заказчика большую сумму. Даже Паша оторвался от планшета и с восхищением уставился на корабль.

Джон Доу ждал их в стыковочном отсеке. Внутри корабля он почему-то продолжал пользоваться своим диском тьмы, и разглядеть его толком не удалось.

– Проходите, проходите, – дружелюбно замахал он руками. – Я здесь один, корабль полностью автоматизирован. А вы с детишками? Прекрасно, семья – это важно. Я приготовил четыре каюты. Только не шалите, дети! Но где же ваши рабочие?

– Андроиды на барже, на лунной орбите, – объяснил Петрович. – Там, знаете, наша старая стоянка. И недалеко, и тихо...

– И недорого, – подхватил Джон Доу. – Давайте координаты.

– Долго лететь-то? – спросил Львович.

– Не очень, – сказал Джон. – Корабль экспериментальный, новый движок... Подхватим баржу, один прыжок – и мы на месте!

Львович еще раз вздохнул, вспоминая скучный трехдневный путь до Прочиона на его старенькой космояхте.

* * *

Корабль Доу и впрямь оказался на диво быстрым. Часовой полет к Луне, стыковка с баржей, занявшая чуть больше времени. Петрович и Львович сидели в рубке вместе с заказчиком, завистливо поглядывая на сверкающие пульты и массу незнакомой аппаратуры.

– А теперь я попрошу вас на время покинуть рубку, – сказал Доу, когда стыковка была закончена. – Прошу меня извинить, но координаты планеты, где будет стройка, – коммерческая тайна. Поскучаете часик в каюте? Кстати, мини-бар в вашем полном распоряжении!

Спорить друзья не стали и удалились в каюты. По пути Петрович заглянул в каюту Вики и обнаружил, что дочь играет с Пашей на планшетах.

– Это нечестно! – вопил Паша. – Почему у тебя тяжеловооруженный гопплит победил моего мушкетера?

– Потому что мушкетная пуля не пробивает гопплон, дундук! – парировала Вика. – Все честно, историю учить надо!

– Пробивает! – спорил Паша.

Успокоенный Петрович закрыл дверь и тихонько вышел. Сказал Львовичу:

– Играют.

– Да оставь ты их в покое, – махнул рукой Львович.

– Тебе хорошо говорить, у тебя сын, – пробурчал Петрович.

Засев в каюте Львовича, друзья открыли по бутылке венерианского сидра и посмотрели друг на друга.

– Не нравится он мне, – признался Петрович. – Темнит!

Но Львович только махнул рукой.

– Что плохого может быть в копии древних храмов и пирамид?

Петрович подумал и вздохнул.

– Ничего. Наверное, я на воду дую, Львович.

За сидром и разговором час пролетел незаметно. В какой-то момент корабль слегка тряхнуло, и лампочки замигали.

– Прыгнули, – сказал Львович удовлетворенно. – Ну, давай еще по одной...

* * *

В соседней каюте тоже заметили прыжок.

– Странный какой-то гиперпереход, – сказал Паша. – В глазах не двоилось, озоном не пахнет.

– Пряма ты такой специалист, – фыркнула Вика.

– Я с родителями летал – раз. И с классом на экскурсию – два. И книжки про гипердвигатели читал. Может, этот тип дурит родителей?

Вика задумалась. Отложила свой планшет, включила иллюминатор. Некоторое время изучала звездное небо.

– Нет, Пашка, – решила она. – Не дурит. Рисунок созвездий изменился. Мы куда-то и впрямь перенеслись... Но ты знаешь, прыжок и вправду был странный. Может, будем приглядывать за этим типом?

Дети торжественно кивнули друг другу.

* * *

Солнце жарило с небес, песок под ногами был такой горячий, что жег ноги даже сквозь подошвы ботинок. Львович стоял под зонтиком, который держал над ним андроид. Еще один орудовал опахалом, овеивая начальника ветерком.

– Вот здесь строим копию пирамиды Хеопса, – объяснял Джон Доу. – Неподалеку по реке есть залежи камня, смогут ваши андроиды камень добывать?

– Да легко! – сказал Львович. – Петрович! Давай три сотни на разработку камня!

– Хорошо! – откликнулся Петрович. Он стоял рядом со старой грузовой баржей, набитой законсервированными андроидами. Те были свернуты в рулончики и обвязаны сверху шпагатом. Достав очередного, Петрович развернул его, встряхнул, осмотрел. – Нормально. Инженером будешь!

Поддув андроида через клапан на указательном пальце, Петрович влил в его ротовое отверстие немного чистого спирта. Андроид сразу зашевелился и стал бурными жестами выражать свою готовность к работе.

– Остальное – вечером, – твердо сказал Петрович. – Извлекай три сотни, назначай прорабов на каждый десяток – и марш на каменоломню!

– Сделаем, начальник! – прогудел андроид.

Джон Доу, с любопытством наблюдавший за технологическим процессом из-под своего диска тьмы, неожиданно встрепенулся и замахал руками:

– Дети! Стойте, дети! К реке не ходить!

– Почему? – возмутилась Вика. – Жара такая, мы искупаться хотим!

– В реке крокодилы!

Паша и Вика, опасливо поглядывая на широкую мутную реку, двинулись назад. Львович удивленно воскликнул:

– Крокодилы? Живые? В парке аттракционов?

– Все абсолютно натурально и правдоподобно! – сказал Джон Доу. – Тут даже есть антроиды, изображающие угнетенных крестьян, зажиточных торговцев, суровых вождей, враждебные племена. Как в кино, помните? Так что не стоит далеко отходить от корабля.

– Жарко... – вздохнула Вика.

Петрович надул еще одного андроида. Скомандовал:

– Берешь трех землекопов и роешь бассейн. Чтобы через час был готов.

* * *

Ночью Паша проснулся от того, что чья-то рука зажала ему рот.

«Джон Доу – маньяк!» – в ужасе подумал мальчик и наугад ударил в темноту.

– Ой! – сказала Вика. – Ты мне чуть синяк не поставил!

– Ты что здесь делаешь? – удивился Паша.

– Пошли, тебе надо это увидеть!

Дети на цыпочках двинулись по коридору мимо кают Петровича, откуда доносился басовитый храп, и каюты Львовича, где нежно играла скрипка – директор «Откосов и отвесов» обожал классическую музыку и перед сном обязательно надувал андроидов-музыкантов.

– Гляди! – прошептала Вика, когда дети приблизились к шлюзу.

Там действительно происходило что-то странное. Наружный люк был открыт, вдали виднелась полупостроенная пирамида, освещенная прожекторами. Какие-то невысокие и тощие полуголые люди таскали в трюм корабля маленькие, но явно тяжелые мешки. У одного мешок прорвался, из него, звеня и подпрыгивая, выкатилось несколько желтых монет.

– Золото! – страшным шепотом сказала Вика.

Джон Доу стоял у корабля и что-то обсуждал на незнакомом языке с мужчиной повыше прочих ростом и, судя по гордой осанке, немалым начальником.

– Пошли спать, – почесывая комариный укус, сказал Паша.

– Ну ты же видишь...

– Вижу. Нарушение налогового законодательства. Джон Доу берет с заказчиков плату наличными. Драгоценные металлы – они и в космосе драгоценные металлы. Нам-то что?

Вика погрустнела.

– А я-то думала, тут преступление происходит...

– Преступлением было меня разбудить! – наставительно произнес Паша.

Временами он очень походил на своего отца.

* * *

Крепкий спирт, крепкое слово Львовича и крепкая воля Петровича сделали свое дело – копия пирамиды Хеопса была построена за трое суток. Андроидов частично сдули, частично погрузили на баржу – и корабль, подцепив баржу силовым лучом, перелетел в другую точку парка. На полпути детям показалось, что снова мигнул свет, но это, конечно же, было невозможно – зачем прыгать в гиперпространство на планете.

– А мне здесь нравится! – воскликнул Львович, выходя из корабля.

Климат был куда лучше. Зеленые холмы, живописные леса, тихие речушки...

– Здесь хочется думать о вечном, постигая единство пространства и времени... – умиротворенно сказал Петрович. – Что строим?

– Копию Великой Китайской стены, – ответил заказчик.

– Какой фрагмент?

– Целиком.

Петрович удивленно уставился на Доу.

– Вот такой вот огромный парк, – кивнул клиент. – Вся планета – копия Земли. Тут даже рельеф и контуры материков под земные подогнали!

Львович непроизвольно облизнулся, представив себе общий бюджет проекта. Обиженно сказал:

– Мы тоже могли бы горы своротить и материки передвинуть. Что к нам не обратились?

– Время поджимало, – туманно ответил клиент. – Ну как, сможете стену построить?

Львович посмотрел на Петровича. Тот почесал затылок.

– Тут сложнее. Понимаете, андроиды не имеют своей воли и как следствие – ненавидят работать. Я управляю ими сам, мысленно воодушевляя на трудовые свершения и подвиги. В пределах прямой видимости это легко, а вот на расстоянии в тысячи ли... Даже не знаю, смогу ли сосредоточиться.

Джон Доу понимающе кивнул. Предложил:

– Может, чайку выпьем?

В сторонке, под цветущими магнолиями, был накрыт для чайной церемонии черный лаковый столик. Молчаливые красивые девушки колдовали с чайниками и чашечками.

– Андроиды? – с любопытством оглядывая девушек, спросил Петрович.

– Да. Новая модель.

– Очень интересные модели, я бы изучил, – пробормотал Львович. Петрович зыркнул на него глазами. – Ну, как-нибудь в другой раз... – неловко закончил Львович, косясь на детей.

Строители и клиент уселись за стол, дети отправились гулять – Джон Доу заверил, что здесь они в полной безопасности. Петрович принял поданную ему чашку, вдохнул аромат – и замер.

– Ага, – усмехнулся клиент.

– Это... божественно... – прошептал Петрович. – Такого чая никогда не пил я в своей жизни...

– Так ты и этот еще не пробовал, – сказал Львович.

– Мне хватило одного аромата, – продолжал Петрович. – Я... я могу пронзить взглядом все мироздание...

Андроиды стали выскакивать из баржи, надувать друг друга, опрокидывать стартовую чарку спирта и, хватая лопаты и мотыги, бежать вдаль. Кто-то из андроидов запел:

– *Pai huai zhu de zai...*

– *Lu shang de ni yao zou ma*, – подхватили остальные.

– О чем эта песня? – спросил восхищенный Львович.

– О том, как хорошо работать ранним утром, когда у тебя есть верный друг и крепкая лопата, – перевел клиент. – Я вижу, вы знаток китайской культуры, Петрович!

Петрович смущенно улыбнулся. И твердо сказал:

– Работа будет выполнена вовремя.

* * *

Поздним вечером, когда Петрович все еще продолжал наслаждаться ароматом чая в жасминовой роще, а его верные андроиды с бодрой песней строили стену, дети взхлеб рассказывали Львовичу о своей экскурсии по окрестностям.

– Деревеньки совершенно аутентичные! – говорил взхлеб Паша. – Нас рисом кормили, поили чаем, потом песни пели!

– А еще мы помогали крестьянам сажать бамбук для ручных панд! – воскликнула Вика.

– Они не крестьяне, они андроиды в парке развлечений, – вздохнул Львович. – Но это хорошо, что у вас такое доброе сердце, дети. Андроиды достойны уважения...

Он задумчиво посмотрел в иллюминатор. И спросил сам себя:

– Но почему же хозяин парка не построил стену силами имеющихся андроидов? Может быть, не умеет мотивировать их к труду?

* * *

Через два дня корабль вновь сменил дислокацию. На этот раз прыжок заметили все.

– Джон, мы что, прыгаем в гиперпространстве? – удивился Львович. – При полетах над планетой?

– Конечно. В целях экономии времени.

Львовичу осталось лишь позавидовать Джону Доу. Такая дорогая вещь, как гиперпрыжок, – для экономии нескольких минут! Впрочем, за работу Доу получил огромное количество прекрасного чая, стоящего дороже золота, изрядное количество драгоценных камней и великолепного фарфора. Он явно не хотел связываться с деньгами.

Корабль приземлился на небольшом пустынном острове. Выйдя из корабля, Львович с любопытством посмотрел на городок, море, гигантский постамент у выхода из порта. Сказал:

– Кажется, я понял... Колосс?

– Колосс Родосский, – кивнул Джон Доу. – Справитесь?

Надышавшийся чаю Петрович был благостен и уверен в себе.

– Разумеется.

Андроиды были выгружены, заправлены и бодрой колонной замаршировали на стройку. Петрович порылся в техническом задании, достал рисунок Колосса. Погрыз ноготь, изучая

гигантскую скульптуру бога Гелиоса, которая, раздвинув ноги, должна была встать над заливом.

– Это хорошо, что он хотя бы в набедренной повязке, – пробормотал Петрович. – Ладно. Лепить будем с меня.

Клиент с сомнением посмотрел на Петровича.

– Андроиды воспринимают не внешний облик, – обиделся Петрович, – а внутреннее содержимое. Они будут лепить меня таким, каким я себя представляю.

– Ну... – с сомнением сказал заказчик. – Вам виднее, вы строители.

* * *

Паша и Вика прогулялись по городу, где многочисленные андроиды изображали из себя древних греков – возделывали оливы и виноград, философствовали в тени акаций и наблюдали за бурной стройкой в порту. Последнее у них получалось особенно замечательно.

Когда дети подошли к порту, андроиды уже заканчивали строить тонкие мускулистые ноги.

– Никогда не думал, что твой папа такой мускулистый, – фыркнул Паша. – Наверное, под спецовкой не видно.

– Мой папа еще какой мускулистый, – согласилась Вика. – Хорошая выйдет статуя.

Впрочем, не все, похоже, придерживались этого мнения. Какой-то растрепанный мужчина в хитоне ругался в порту с местными властями.

– Ύπουλος ο γιος της γοργόνας! – кричал он, размахивая руками, показывая какие-то чертежи и временами пытаясь выдрать на своей голове волосы и расцарапать лицо ногтями.

Власти явно не были согласны с мужчиной. Вначале от него отмахивались, потом лысый толстый грек наорал на него, а в конце концов подошли двое солдат, крепко взяли мужчину под локти и потащили куда-то.

– Είμαι μεγάλος γλυπτής Χάρης, αλογόνοὺς τάρταρα!

– Что говорит этот андроид? – тихо спросил Паша. Вика училась в классической гимназии и хвасталась тем, что знает латынь и греческий.

– Он ругается, – глядя на мужчину, сказала Вика. – Ну, так себе ругается, у нас андроиды куда круче ругаются... Только ты знаешь, Пашка...

– Ну?

– Это не андроид, – сказала Вика. – Я все поняла. Бежим!

* * *

Трудолюбивые андроиды облепили статую Гелиоса, будто муравьи. Уровень мотивации Петровича был так велик, что статуя росла, казалось, на глазах.

– К ночи закончим и факел в руке запалим... – бормотал Петрович. – Буду я стоять над заливом и освещать кораблям дорогу к дому... И увидев меня, воскликнут моряки – о Гелиос, буррожденный и светоносный, как же прекрасно увидеть твой лик...

Львович с опаской поглядел на Петровича.

– Ты, это... не перерабатывай. Статуя лицом к городу стоит, не лик твой увидят моряки, возвращаясь в родную гавань. Кстати, ноги у статуи тонковаты...

Петрович нахмурился:

– Может, вращающуюся сделаем? Пусть следует взглядом за Солнцем. И тогда всем будет виден и лик мой, и другие части тела.

– Петрович, дорогой, – Львович с искренней заботой потрогал прорабу лоб, – солнышко ты наше животворящее... не перегрелся ли? Может, тебе в тень пойти?

Взгляд Петровича и впрямь был слегка безумен. Но одновременно – и горделив. А как иначе, когда у тебя на глазах возникает твоя статуя высотой в полсотни метров?

– Папа!

Львович помахал Вике, слегка опередившей более плотного Пашу, и сказал:

– Петрович, успокойся. Детей напугаешь. Видишь, бегут, что-то сказать хотят.

– Не обидел ли их кто, испепелю нечестивцев... – пробормотал Петрович, медленно приходя в себя.

Но за детьми никто не гнался. Вика и Паша подбежали к ним, Вика бросилась на шею Львовичу, Паша неожиданно обнял Петровича, чего не делал лет с пяти.

– Что с вами? – поразился Львович.

– Папа, мы все поняли! – громким шепотом произнесла Вика. – Люди в порту говорят на греческом...

– Андроиды... – попытался поправить Львович.

– Остров называется Родос. И мы видели скульптора Хареса. Это тот, кто построил Колосса Родосского. Должен был построить! Мы не на другой планете, мы на Земле! В прошлом!

Петрович сел и схватился за голову.

Львович выставил перед собой руки, отрицая неизбежное:

– Нет! Нет, не может быть! Машины времени не существует! Ее строят, но никто не знает, получится ли!

– Значит, получилось! – воскликнула Вика. – И этот тип, Джон Доу, ее украл. То есть украдет!

– Но зачем ему строить чудеса света, их бы и так построили! – Львович замолчал, вспомнив мешки с золотом, тюки с чаем и драгоценные сервизы, которые грузили в трюм.

– Он заказы перехватил, – убитым голосом произнес Петрович. – Ну, точь-в-точь как мы на Венере... демпингуем, делаем все не очень честно, зато быстро и дешевле... А царям и фараонам какая разница, кто им все построит? Хоть бы и колдуны с волшебными слугами.

– Но мы же не знали, – сказал Львович. – Мы честно работаем. У нас договор. Мы ничего не нарушаем.

– Мы работаем на Земле, где нам запрещено даже гвоздь вбить! – воскликнул Петрович. – Фирме конец!

– А нам не конец? – спросил Львович. – Ты уверен, что этот хмырь нас вернет? Возьмет и высадит среди динозавров, строй там парк аттракционов для ти-рекса!

– Да, и потом в асфальтовых озерах найдут наши скелеты и толпу тупых андроидов, – горестно сказал Петрович. – Им-то ничего не сделается, они же почти вечные... – Он вскочил и вскинул руки. – Эврика! Я понял, понял!

Появившийся из корабля Джон Доу со своим диском тьмы подошел именно в этот момент. Петрович так и замер, глядя на клиента.

– Что делаете? Семейное празднество? – с подозрением спросил Доу.

– В крокодила играем, – тихо сказала Вика.

– О, я люблю играть в крокодила! – оживился Доу. Обошел вокруг застывшего Петровича, щелкнул пальцами и воскликнул: – Понял! Халфингский плясун в брачном танце!

– Точно, – сказал Львович. – Он самый.

Доу одобрительно посмотрел на почти завершенного Колосса:

– Ну, молодцы. Я вами горжусь. Осталось совсем немного – храм Артемиды, статуя Зевса и Александрийский маяк. Насчет висячих садов пока не знаю, уж очень прижимистый этот Навуходо... администратор парка. Ну, заканчивайте с Колоссом, я пойду работу сдавать заказчику.

Только когда Доу удалился, Петрович расслабился.

– Мы отправим просьбу о помощи, – сказал он. – В хронопатрульную службу.
– Никогда о такой не слышал, – нахмурился Львович.
– Ну и что? Раз будет машина времени и преступления во времени, то появится и хронопатрульная служба. Мы ее дожидаться не сможем, но вот андроид...

* * *

Смеркалось. В стороне от порта, в крепкой скале, андроид выдолбил неглубокую пещеру. На плоском камне Петрович лично выбил зубилом надпись: «ВЫЗЫВАЙТЕ ХРОНОПАТРУЛЬ К КОЛОССУ РОДОССКОМУ!», после чего принялся замуровывать пещеру. Андроид стоял внутри, держа табличку. Рядом с ним Петрович оставил бутылку спирта:

– По одной рюмке в столетие! Не больше! Помни – ты честный рабочий андроид, это звучит гордо! Тебе надо продержаться всего две с половиной тысячи лет.

– Не найдут раньше срока? – озабоченно спросил Львович. – Все-таки место историческое...

– Бывал я на Родосе, – мрачно сказал Петрович. – Ничего тут туристы не ищут, кроме моря и рицины.

– Ну, ты же понимаешь, Петрович, фирме крышка, – печально сказал Львович.

– А иначе крышка нам! – ставя на место последний камень и заделывая щель суперцементом, твердо произнес Петрович. – Нет, мы уведомим власти о мошенничестве и примем свою судьбу с достоинством. Как принял ее Гелиос.

– Что у него за судьба-то была? – заинтересовался Львович.

– Да откуда я знаю? – пожал плечами Львович. – Но явно ничего хорошего ему не светило!

* * *

Лето две тысячи двести двадцатого года на Родосе выдалось самым обычным – жарким и полным туристов. Кто-то посещал достопримечательности, кто-то пляж, кто-то дегустировал вино.

Алик Кашев, учащийся Самарского нанотехнологического техникума, и его приятель Синь Ка, учащийся Самарского колледжа вакуумного фрезерования, были обычными двадцатилетними оболтусами, потихоньку отставшими от экскурсии. Сейчас они сидели у скалы, глядя на море.

– Скукота, – сказал Алик. – Я думал, тут Колосс стоит, а он развалился давно, оказывается.

– Бракоделы, – поддержал его Синь. – Вот я к дедушке ездил в гости, мы ходили на Великую стену смотреть – знаешь, как стоит? Во как стоит! Китайцы умели строить лучше, чем греки.

– Верно, братан, – поддержал его Алик. – И рицина их – гадость, смолой пахнет. Гляди, что у меня есть! – Он достал из кармана фляжку. – Самогон! Дедушка делает. По глоточку?

– А давай! – оживился Синь.

Но друзьям было не суждено опробовать дедушкин самогон. Стоило Алику открыть фляжку, как скала за их спиной затряслась. Камень внезапно пробила чья-то рука. Опешившие юноши в ужасе смотрели на запыленную фигуру, мощными ударами пробивающую себе дорогу из каменного плена. Андроид шагнул к ним, сверкнул глазами, потом протянул руку, взял фляжку и опорожнил одним глотком. После чего крикнул и зычно произнес:

– ВЫЗЫВАЙТЕ ХРОНОПАТРУЛЬ К КОЛОССУ РОДОССКОМУ!

То же самое гласила и каменная табличка на его груди.

Алик дрожащей рукой достал телефон.

Хронопатруль прилетел на Родос в тот самый миг, когда Джон Доу возвращался к кораблю с двумя осликами, нагруженными золотом и амфорами, полными драгоценных камней.

– Джон Доу, он же Василий Пупкин, он же Месьё Ту-ль-Мон, он же Чжан Сань, он же Отто Нормалвербраухер, он же Хуан Перес, младший аспирант Института времени! Вы арестованы по обвинению в похищении машины времени, которое совершите в будущем! – прогремел над островом суровый голос.

Диск тьмы над головой Джона Доу погас. И стало ясно, что под ним скрывался совсем уж молодой паренек, тощий и интеллигентный, в старомодных очках.

– Нас обманул какой-то Гарри Поттер... – печально сказал Львович.

Корабль Хронопатруля приземлился. Молчаливые охранники взяли за руки поникшего Джона Доу и увели внутрь. Пожилой офицер подошел ко Львовичу и укоризненно посмотрел на него.

– Китайская стена. Пирамиды. Как вам не стыдно!

– Мы не знали, что происходит! – воскликнул Львович. – Нас обманули, а мы честно работали! И сразу позвали на помощь, когда поняли, что происходит.

Офицер кивнул:

– Этот факт мы учли. То есть учтем. В тюрьму вы не попадете, но вот лицензию у вас мы отберем!

– За что? – взмолился Петрович. – Стройка – это наша жизнь!

– Закон есть закон, – сказал офицер. – Вашей фирме запрещено работать в Солнечной системе.

– А вот и неправда! – Вика вдруг вышла вперед и с вызовом посмотрела на офицера. – Вы не можете наказать папу и дядю Петровича!

– Это еще почему? – удивился офицер.

– Вспомните текст запрета. Он действует с две тысячи сто двадцать восьмого года! А сейчас – двухсотвосьмидесятый год до нашей эры!

Офицер задумался.

– Формально ты права, девочка. Но это просто юридический казус!

– Таковы путешествия во времени! – сказала Вика.

Львович с гордостью обнял дочь.

Офицер кивнул:

– Что ж. Боюсь, вы правы. Обвинения с вашей фирмы сняты. Проследуйте в корабль, мы доставим вас и андроидов в ваше время. Мне бы очень хотелось ликвидировать все, что вы натворили, но боюсь, мы создадим еще больше временных парадоксов.

Офицер глянул на возвышающегося над заливом Колосса и добавил:

– В целом неплохо, но ноги тонковаты...

– Дались им эти ноги, – обиженно сказал Петрович, глядя на возвращающегося в свой корабль офицера. – Львович... а ведь это начало возрождения нашей фирмы! Мы знамениты! Мы можем смело указывать в резюме: «Строители Великой Китайской стены, пирамиды Хеопса и Колосса Родосского!»

– Я бы не стал упоминать Колосса, – глядя через плечо Петровича, сказал Львович.

– Почему? – обиделся Петрович.

– Папа, ноги и впрямь были тонковаты, – печально сказал отцу Паша.

Петрович обернулся.

За его спиной Колосс Родосский, с подломившимися ногами, медленно и печально валился в залив.

Дмитрий Казаков

Страшный зверь песец

– Что это за место такое – Якутия, черт возьми? – спросил Ларс Нордстрем, поглаживая густые, истинно капитанские бакенбарды.

Он водил корабль колониальной поддержки, в просторечии «подкол», более десяти лет, побывал во многих уголках обжитого космоса, возил уроженцев всех континентов, но это название слышал впервые.

Штурман, которому адресовался вопрос, неопределенно пожал узкими плечами.

Сегодня, судя по толстому слою косметики на физиономии, оно считало себя женщиной, а вообще Нулео Фернандао числилось трансгендером и меняло пол в среднем раз в неделю.

– Толку от тебя, – пробормотал Нордстрем.

В рубке они находились вдвоем, подкол «Свобода» стоял у терминала на Занзибаре, и до начала погрузки, если верить расписанию, оставались считанные минуты.

Фернандао нахмурилось, надуло губы и даже рот открыло, но тут в ухе Нордстрема пикнуло, и рычащий голос боцмана произнес:

– Делегаты от колонистов на подходе.

Ну да, а обязанность капитана – приветствовать их на борту.

– Я пошел встречать, – и Нордстрем поднялся из кресла, не обращая внимания на бурчание штурмана, в котором явственно различались слова «угнетение», «права трансгендеров» и «комиссия по толерантности».

В женской ипостаси Фернандао порой бывало обидчивым.

Но Нордстрем к этому привык и не обращал внимания.

Через десять минут он оказался у «горловины» трюма номер три, самого большого. Боцман, огромный, звероподобный Ласло Куниц, то ли венгр, то ли австр, лихо отдал капитану честь.

– Все готово? – спросил Нордстрем, заранее морщась.

– Так точно! – гаркнул Куниц, сохранивший кое-какие привычки со времен службы в военном флоте.

У капитана в ушах зазвенело, по пустому трюму прокатилось эхо.

Куниц был отличным боцманом, и проблемы иногда провоцировала не его привычка орать, а гомосексуальные пристрастия. Пару раз в год боцмана атаковала озабоченность, и тогда он начинал помогать ко всем подряд, начиная с Нордстрема.

Приходилось терпеть.

За трансгендера комиссия по толерантности может и не вступиться, а вот если до ее ушей дойдет, что на приписанной к Амстердаму «Свободе» обижают гомосексуалистов, то полетит сюрстреминг по закоулочкам...

Слух вернулся к капитану точно в момент, когда в трюм вступили делегаты от колонистов. Увидев их, Нордстрем мигом забыл и о мешающих ему жить бюрократах, и о собственной типично европейской команде.

Впереди шагал обычного вида рыжий здоровяк, на круглом лице его красовалась улыбка. Зато следом двигался некто в темной мантии до пола, с блестящим крестом на выпирающем пузе и с седоватой бородой, над которой блестели хитрые маленькие глаза. Замыкал процессию низенький узкоглазый человек в странной, допотопного вида одежде, меховой шапке и кожаных сапогах.

Куниц приглушенно выругался, Нордстрем подобрал отвисшую челюсть.

– Доброго дня, граждане! Рад приветствовать вас на борту «Свободы», готовой отвезти вас к свободе др... – начал он заученную, обкатанную десятками повторений речь.

– Привет и тебе, коли не шутишь, – прервал капитана рыжий и протянул руку. – Андреев, Семен.

– Э, Ларс... – ошеломленно пробормотал Нордстрем, пожимая жесткую, словно из дерева вырезанную ладонь.

В просвещенной Европе такое приветствие давно вышло из обихода!

– Это вот отец Васильевич, – продолжил рыжий, указывая на бородача в мантии. – Представляет эвенов. А это Урсун. – Небрежный взмах в сторону маленького в сапогах. – Он якут.

Что такое «эвен» и «якут», капитан не знал. Куниц, судя по оторопелой роже, тоже.

– А ты сам из каких будешь? – поинтересовался Семен.

– Швед.

– Ха, ну вижу, что не русский, – и предводитель колонистов широко улыбнулся. – Давай показывай, где тут и что... Отец Васильевич кадилом помашет, освятит тут все... Урсун покамляет, абасы изгонит, Хомпоруун Хотоя призовет, чтобы тот путь легким сделал, Дьылга Хаана попросит, чтобы нам судьбу благоприятную открыл на новом месте.

Бородач в мантии перекрестился и рыгнул, пустив волну чесночно-водочного перегара. Узкоглазый осклабился, и в руке у него брякнул непонятно откуда взявшийся маленький бубен с колокольчиками, изготовленный чуть ли не из прутьев, кожи и бересты.

– А если мы это все не сделаем? – спросил Нордстрем, ощущая себя участником перформанса в исполнении этнического театра.

– Нет, так не годится. – Семен нахмурился. – Тогда придет страшный зверь песец! И наступит! Ха-ха!

«Он точно сумасшедший, – подумал Нордстрем. – И остальные не лучше».

Поскольку эти типы прошли все бюрократические ловушки и засады, то у капитана нет возможности не допустить их на борт. Но зато у колонистов имеется право дать задний ход и остаться на Земле – это можно сделать до момента, пока не будут задраены люки и не пойдет обратный отсчет до взлета.

– Ну хорошо, – очень мягко, как положено с психами, начал Нордстрем. – Отлично. Надеюсь только, вы понимаете, куда именно повезет вас «Свобода». Имя планеты – Хель. И это вовсе не приятное немецкое слово «светлый», это одно из имен скандинавского ада. Обитаемая зона мала, большую часть года там длится зима, температура может опускаться до тридцати по Цельсию...

Эвен с якутом переглянулись и заржали в голос.

Семен же с улыбкой похлопал капитана по плечу.

– Не бойсь, кэп, – сказал он. – У нас, чтоб ты знал, и пятьдесят бывает. Да с ветром. Солнце по несколько месяцев не видим, когда полярная ночь.

Нордстрем почувствовал себя уязвленным, чего с ним давно не случалось.

– Да как вы не понимаете? – воскликнул он с необычной для себя горячностью. – Выжить там невозможно! Замерзшее море! Дикие звери! Растения не приживаются! Почему, вы думаете, колониальное управление выдало вам концессию на поселение за полцены?! Вы будете пятыми, кто попытается освоить Хель! Пятыми! Там были канадцы! Их я сам вывозил! Обмороженные, плачущие!

– Слабаки. – Бас у отца Васильевича оказался еще мощнее, чем у боцмана. – Истинной веры не знают, – и он перекрестился снова.

– Вот-вот, – тенорком поддержал Урсун, и бубен в его лапке снова звякнул.

– Эти ребята живут в таких условиях столетиями, – проговорил Семен задушевно. – Да и мои предки в Якутию прибыли четыреста лет назад, и ничего, приспособились, ха-ха. Так что иди, кэп... Ты нас встретил, а дальше мы сами справимся.

Нордстрем едва не лопнул от ярости: они будут ему указывать?

Но тут в дело вступил Куниц, то ли австриец, то венгр, и спас ситуацию.

– Разрешите начать погрузку, гражданин капитан! – рявкнул он, отдавая честь.

– Я... вы... – Тут Нордстрем осекся: чего толку спорить с умственно отсталыми персонажами, пусть увидят Хель своими глазами. – Черт возьми... Они... Разрешаю. Приступайте.

И, развернувшись, он зашагал прочь.

Ничего, он еще заставит этих типов уважать себя!

* * *

В рубке помимо Фернандао капитан застал одного из близнецов-пилотов, Ахмеда, – типичного немца, смуглого, чернявого, упертого мусульманина, способного затеять молитву посреди хитрого субпланетарного маневра.

Второй брат, Мухаммед, в этом плане отличался большей надежностью.

– Ты чего здесь делаешь? – буркнул Нордстрем. – Тебе на вахту через три часа...

– Любуюсь, – отозвался пилот, указывая на главный экран, куда сейчас выводилось изображение с одной из погрузочных рамп. – Капитан, вы уверены, что это не зверинец? Или, может быть, цирк?

Шагая от третьего трюма до рубки, Нордстрем успел остыть.

Сейчас, едва глянув на экран, он вновь закипел от бешенства – по рампе ехал робот-погрузчик, волочивший за собой вереницу тележек, часть из них выглядела нормально, сплошь контейнеры разного цвета, зато на других покоились даже не клетки, а переносные вольеры, и в тех – мохнатые большие собаки, такие же мохнатые пестрые коровы, бурые и серые коренастые лошади, маленькие олени с ветвистыми рогами.

– Эт-то чт-то? – проблеял капитан. – От-куд-да?

– Спецификации не читаем? – спросил Ахмед и, прежде чем Нордстрем успел одернуть потерявшего всякую наглость пилота, добавил: – О, муэдзин закричал. Намаз.

И, бухнувшись на колени, прямиком на ловко выброшенный из кармана коврик, он принялся бить поклоны. Все, теперь с ним не заговоришь, пока молитва не закончится, иначе комиссия по толерантности возьмет тебя за горло, обвинив в ограничении религиозной свободы.

Смерив Ахмеда взглядом, Нордстрем отвернулся.

– Боцман. Что там у вас происходит?! – вызвал он. – Почему звери на борту?!

– Так точно. – На главном экране появился несколько удрученный Куниц. – Документы в порядке. Спецификация заполнена и подписана. Якутские лайки, якутские коровы, якутские лошади и эти, как их... олени... не якутские. Просто северные.

Животный мир боцман предпочитал видеть исключительно на тарелке, в жареном или тушеном виде.

– Не суетись, кэп. – Уловив новый источник звука, камера изменила фокус, и на экране появились стоявший рядом с Куницем Семен и еще несколько узкоглазых малорослых типов, по внешности сородичей Урсуна, но одетых вполне по-современному, в рабочие комбинезоны.

– Мне плевать на спецификацию! – рявкнул Нордстрем, перекрывая завывания Ахмеда. – Я тут главный, черт возьми! Подкол не приспособлен для перевозки зверей! Убрать их!

За спинами Семена, Куница и остальных прошагал отец Васильевич: священник бормотал, в одной руке держал некую штуковину на цепочке, из нее валил дым, в другой у него была кисточка, и с нее капала вода. За ним мальчишка лет десяти пронес ведро.

– Это еще что там за цирк?! – добавил Нордстрем.

– Это религиозный обряд, – невозмутимо сообщил Семен. – Там еще Урсун. Ха-ха. Духов злых гоняет. Поет, танцует, грибы жжет, все как надо. Это тоже религия.

Знает, подлец, свои права и то, что капитан против комиссии не попрет!

– А как же без коров? – подал голос один из якутов, которому на вид было лет двести. – Не выжить без них никак. И без собак нельзя тоже. Кто упряжки таскать будет? Так что не сердись.

– Вот-вот, – поддержал Семен. – Понимаешь, колониальному управлению очень нужно, чтобы на Хель возникло поселение, причем не на год, не на два, а навсегда, ха-ха. Поэтому оно нам все разрешило, все бумаги подписало. А без оленей и лошадей никак нельзя. Без них придет страшный зверь песец и...

– Наступит? – безнадежно предположил Нордстрем, сжимая кулаки.

– Вот видишь, ты понимаешь! – возликовал Семен. – Сообразительный парень!

Краем глаза капитан поймал любопытный взгляд Фернандао – наверняка то раздумывало, шарахнет ли начальство вот прямо сейчас удар и вызывать ли доктора или можно чуток погодить. Искушение рывкнуть как следует, чтобы колонисты поняли, кто тут хозяин, Нордстрем удушил, но с большим трудом.

Его корабль, его любимую «Свободу», на которой он летает уже пять лет, превращают в помесь хлева и цирка?! А он ничего, совсем ничего не может сделать!

Хотя нет. Может по крайней мере не потерять лицо.

– За чистотой будете следить сами, – сказал капитан почти спокойным голосом. – Ветеринара у нас нет, так что лечить зверей, если что, будете тоже сами. Ну и главное... Если только ваша живность кому помешает, я ее за борт своими руками выкину. Ясно?

– Заметано, кэп, – согласился Семен, а якуты важно закивали.

Ничего-ничего, он им устроит провокацию, после которой олени и лайки отправятся исследовать глубокий космос.

Без скафандров.

* * *

Вновь колонисты напомнили о себе через сутки после взлета, когда остались позади внутрисистемные маневры и «Свобода» легла на курс. Десять дней, если без происшествий, – и они окажутся рядом с гаммой Летучей Рыбы, вокруг которой вращается Хель.

Нордстрем как раз побросал баскетбольный мячик в спортзале, принял душ и в приятном расположении духа зашел в рубку, чтобы проверить, как там дела...

И тут его вызвал Куниц.

– Э, капитан... – сказал боцман, и голос его прозвучал без обычной уверенности. – Нас тут, это... на торжество зовут...

– Какое торжество? – не понял Нордстрем.

– Как бы банкет... поесть-выпить... Семен этот. Говорят – приходите, кто хочет. Прямо сейчас.

Капитан задумался – обычно колонисты в полете вели себя тихо, кто страдал от «судорог вакуума», кто молился, кто из последних сил наслаждался благами цивилизации. Торжеств не затевали и тем более не приглашали на нее членов команды.

Отказать?

– Говорят, что обидятся, – добавил Куниц, наверняка угадавший мысли начальства. – Что отец Васильевич нас анафеме предаст, а этот, с бубном, злых духов натравит, и вообще, – и он добавил несколько любимых ругательств.

– Ладно, – сказал Нордстрем. – Пойдем втроем. Ты, я и Монтобелли.

Врач на борту – человек уважаемый, да и выглядит миниатюрная итальянка так, что посмотреть приятно.

– Так точно, – отозвался боцман. – Пассажирская едальня, я вас у входа жду.

У дверей огромной, на пятьсот человек, столовой капитана встретили: Куниц в парадной форме, Монтобелли, хмурая по причине того, что ее непонятно зачем вызвали в неурочный час, а также рыжий Семен, улыбавшийся от уха до уха.

– Итак, гости дорогие, – улыбнулся он, – проходите. Отсель грозить мы будем шведу!

– Это к чему? – Нордстрем вскинул подбородок.

– Да так, цитата, – отозвался Семен. – Заходи, кэп.

Столы были составлены вместе, так что вышло нечто вроде огромной подковы, их сплошь покрывали блюда, миски и подносы. Вперемешку сидели мужчины и женщины – разные обликом, от высоких и светловолосых до маленьких и узкоглазых. Меж современных одеяний встречались пышно отделанные мехом и бисером не то платья, не то накидки с рукавами.

Выделялся необычайно серьезный Урсун, сиял красной рожей отец Васильевич.

– Вот сюда, на почетные места, – приговаривал Семен. – Во главе стола, вот, ха-ха. Кумыс налит, закуска готова...

– Кумыс? – спросил Нордстрем.

– Напиток такой из кобыльего молока, – объяснил рыжий. – К нему строганина. Отличный хаан, кровяная колбаса. Моржовое мясо с мать-и-мачехой... Обедение!

Монтобелли издала приглушенный писк, и только в этот момент капитан вспомнил, что она из веганов и что при виде кусочка рыбы или куриного яйца с ней делается истерика! Вот сейчас она заорет, или ее стошнит прямо на праздничный стол...

– Не плачь, красна девица. – Семен аккуратно придержал итальянку за талию, а затем и вовсе хлопнул по ягодице так, что раздался звонкий шлепок. – Мы ты не обидим!

Нордстрем подобрал отвисшую челюсть.

Это же сексуальные домогательства, за них положено немедленно подавать в суд! Чтобы преступника неизбежно приговорили к штрафу, принудительному лечению, а то и посадили на пару лет!

Но Монтобелли от изумления лишилась дара речи, безропотно позволила усадить себя за стол, да еще и взяла фужер с белым напитком – видимо, кумысом, – и сделала несколько глотков.

Место Нордстрему отвели рядом с отцом Васильевичем.

– Ну что, выпьем, нехристь? – предложил тот, поднимая стопку. – За Полтаву.

– А что это?

– Не важно, – отозвался священник.

От водки Нордстрем отказался, но кумыс попробовал, и тот ему, что удивительно, понравился. Как и якутская лепешка, и строганина, и даже чохочу – особым образом приготовленная печень.

Семен произнес тост «за доблестный экипаж «Свободы», и Нордстрему пришлось отвечать. Потом слово взял Урсун и долго о чем-то говорил, не меняясь в лице и не жестикулируя.

Только тут капитан заметил, что в углу стоит некая штуковина из досок: конус с изогнутыми отростками, покрытыми изображениями птиц и животных, увенчанная крохотным солнышком.

– Это Аал Луук Мас, Великое Гигантское Дерево, – сообщил отец Васильевич, заметивший удивленный взгляд Нордстрема. – Языческое мракобесие, помилуй Господь.

Он перекрестился и вылил в глотку очередную, неизвестно какую по счету стопку.

Кумыс пился легко, словно вода, но хмелил, как вскоре стало ясно, похлеще вина. Монтобелли, кокетливо улыбаясь, болтала с Семеном и лопала костный мозг оленя, будто спаржу, австро-венгерский Куниц держался молодцом, но бросал пламенные взгляды на сидевшую рядом с ним женщину совершенно невероятных габаритов, светловолосую, с толстой косой.

На какое-то время Нордстрем вырубился, а включившись, осознал, что сидит, опершись бакенбардой на руку, и слушает то, что ему обстоятельно, со смаком рассказывает отец Васильевич:

– ...нельзя годится или же таймень. Сразу, как ее разделяешь, кровь сливаешь. Взбиваешь, соль кладешь, пряности всякие... пузырь рыбий промываешь и наполняешь. Завязать ниточкой и поварить, только чтобы кипело не сильно... Это ж сплошь витамин!

Нордстрем кивал, не очень понимая, о чем вообще речь.

Но к собеседнику он в этот момент испытывал глубочайшую, искреннюю симпатию и готов был согласиться со всем, что тот скажет.

Дикие якутские колонисты начали капитану нравиться.

* * *

Вид у боцмана, явившегося на очередной доклад, оказался несколько помятый, и рапортовал он не бодро и четко, как обычно, а мямлил, сбивался и повторял уже сказанное. И что самое удивительное – вообще не ругался, будто забыл любимые словечки.

– Куниц, черт возьми, что случилось? – спросил не выдержавший Нордстрем. – Пили мы два дня назад, похмелье давно выветрилось. Что с тобой?

Обитатели Якутии, решившие перебраться на Хель, все это время проблем не создавали, и даже живность вела себя тихо, ну а к запаху навоза и шерсти, заполнившему третий трюм, капитан на удивление быстро привык.

– Виноват, – отозвался боцман, мучительно краснея. – Тут это... все такое... Анна...

Порывшись в памяти, Нордстрем обнаружил, что имя принадлежит громадной даме, на вечеринке сидевшей рядом с Куницем.

– Так она же женщина, – произнес он недоверчиво.

Боцман побагровел еще сильнее, но взгляда не отвел.

– Она лучше любого мужика, – сказал он. – Только вы... это... никому не говорите. Нашим. Ладно?

Ну да, отступников меж гомосексуалистов – а их в команде с дюжину – не жалуют, запросто обструкцию могут устроить.

– Хорошо, – пообещал Нордстрем. – Только чувства чувствами, а чтобы служба! Понятно?!

– Так точно! – гаркнул Куниц.

Капитан собрался было вернуться к боцманскому докладу, но тут в ухе у него пискнуло, и раздался голос стоявшего вахту штурмана:

– Нас перехватывают! – Сегодня Фернандао принадлежало к мужскому полу, но звучало как баба на грани истерики. – Атака с кормы! Что нам делать?! Что делать?!

– Успокоиться! – ответил Нордстрем. – Действовать по инструкции! Поняли меня?! Синхронизируемся и допускаем пиратов на борт!

Подкол – не военный корабль, оружия на борту у него нет, даже ручного.

Но двигается он при этом так быстро, что перехватить его случайно невозможно. Чтобы оказаться рядом на нужной скорости, космическим разбойникам нужно знать курс.

Значит, кто-то с Земли, из колониального управления или еще откуда, слил им информацию. При мысли об этом Нордстрем ощутил тяжелый, подсердечный гнев и неполиткорректное желание передушить всех бюрократов, этих дотошных и вредных обитателей удобных кабинетов.

Да, встреча с пиратами маловероятна, но все же шанс есть, а значит, есть и инструкция – не оказывать сопротивления, отдать все, что незваные гости захотят, и надеяться, что они обчистят трюмы и уберутся, оставив корабль нетронутым, а команду живой и здоровой.

Звездолет стоит куда больше груза, да и подготовка любого члена экипажа обходится недешево, так что все логично.

Но почему-то ощущаешь себя трусом, на душе гадко и скребут рыси.

– Да! – со всхлипом отозвалось Фернандао.

– Боцман, – сказал Нордстрем. – ЧС по коду «девять». Все понятно?

Куниц сжал кулаки, правый австрийский, левый – венгерский, и мрачно кивнул:

– Так точно.

– Твое место в трюме, насколько я помню. А я, черт возьми, дам оповещение...

Команде и колонистам нужно знать, что происходит.

Боцман отсалютовал и выскочил за порог, а Нордстрем активировал систему трансляции.

– Говорит капитан, – произнес он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, без намека на страх или тревогу. – Наш корабль в данный момент подвергается воздействию космических сборщиков капитала. – Такой эвфемизм придумали чинуши, никогда не видевшие ни единого пирата. – Всем необходимо сохранять спокойствие. Опасности нет. Ситуация находится под контролем...

Ух, как бы он сам хотел верить в то, что говорил!

Иногда случалось, что разбойники убивали людей, пусть тоже не очень часто – пару раз в десятилетие.

Но случалось.

– ...оставаться на местах и выполнять команды экипажа, – закончил Нордстрем и вытер со лба пот: последняя фраза предназначалась колонистам, что должны сейчас напугаться до мокрых штанов.

Ну а ему идти к главному шлюзу, встречать захватчиков, подписывать капитуляцию.

Нордстрем нацепил фуражку, последний раз глянул на себя в зеркало, оценивая безупречность флотского вида. Вздыхнул и, выйдя в коридор, едва не сшиб с ног Семена. Тот отступил на шаг, уперся в пузо стоявшего позади отца Васильевича и только благодаря этому не упал.

– Привет, кэп, – сказал рыжий, поправляя висевшую на плече винтовку.

Винтовку?!

Нет, понятно, что колонистам разрешили взять с собой оружие, но оно должно быть упаковано и спрятано в контейнерах, а не храниться в личных вещах! Хотя ради того, чтобы взять неподатливую Хель, типы из колониального управления могли согласиться и на такое... Почему только его не поставили в известность?

Черт, он же не читал спецификацию...

– Это что?! – спросил Нордстрем, указав на винтовку.

– А, ружьишко. – Семен ухмыльнулся. – Ты никак сдать этим уродам надумал?

– Ну да! У меня инструкция!

– Так нас оберут до нитки! Все выгребут! Ты нас что, с голым задом высадишь? – осведомился рыжий.

– Никуда не высажу, – раздраженно ответил Нордстрем. – Развернемся и вернемся. Колониальное управление выплатит вам компенсацию.

– В задницу их компенсацию! – буркнул отец Васильевич, гневно тряся бородой. – Таких оленей ни за какие деньги не купишь!

– Так вы что, хотите сопротивляться? – спросил Нордстрем недоверчиво. – Свихнулись, кумысу опившись?!

– А ты в штаны наложил? – Ухмылка Семена содержала не меньше килотонны ехидства.

– У меня инструкция! – Капитан выпрямился, смерил наглого колониста взглядом. – Если я ее не выполню, меня не премии лишат, а посадят! И я тут, на борту, главный! Немедленно сдать оружие боцману! Все, даже ножи! И подчиняться приказам!

С каждой фразой он делал шаг вперед, а Семен отодвигался.

Отец же Васильевич отступил в сторону и теперь оказался от Нордстрема сбоку и немного сзади.

– Посадят? – Рыжий покачал головой. – Ха-ха. Не, мы тя, кэп, в обиду не дадим. Сделаем так, что ты не виноват окажешься.

Нордстрем опешил:

– Это как?

– А с помощью волшебного зверя песка. Который придет... ко всем.

– Прости, Господи, меня грешного, – прогудел отец Васильевич и широко перекрестился. – И ты, сын мой, не держи зла, ибо все для твоего же блага... И за Нарву!

Нордстрем открыл рот, собираясь поинтересоваться, что это значит, и даже начал поворачиваться. А в следующий момент священник сделал резкое движение, что-то хрустнуло, и мир для капитана погас.

* * *

Голова болела так, словно ее долго долбили изнутри тяжелым и тупым.

Нордстрему как капитану выделили лучшее место, но проблема была в том, что в матросском кубрике, где их заперли, выбирать особо не из чего: койка на верхнем ярусе или на нижнем, подальше от двери санузла или поближе – вот и вся разница.

Но страдал он не столько телесно, сколько морально – какие-то колонисты, пушечное мясо для заселения диких планет, сумели захватить его «Свободу», повязали команду и теперь непонятно что творят и с подколом, и с нападшими на него пиратами!

Еще мучило ощущение, что его предали.

Как мог отец Васильевич, с которым так славно болталось во время застолья, ударить Нордстрема? Как мог Семен, такой веселый и дружелюбный, отдать приказ посадить экипаж в матросский кубрик?

Не было с остальными лишь Мухаммеда – надо же кому-то вести корабль – и Куница.

Зато имелось Фернандао, нывшее и стонавшее сутки без перерыва.

Что творится за пределами их узилища, они могли только гадать, поскольку информационную систему подкола вскоре после начала мятежа постиг жестокий шатдаун. Имелся среди колонистов спец, разобравшийся, как оно работает, и без затей отрубивший внутреннюю связь.

Информационная блокада злила не слабее, чем ограничение свободы.

– Когда же это все закончится, ну когда же? – снова завело свою песню Фернандао, которому, к несчастью, досталась койка по соседству с Нордстремом. – Какие сволочи!

К какому полу оно принадлежало сегодня, определить было затруднительно, поскольку косметики у штурмана не имелось, но плакалось оно, будто слезливая девочка.

– Заткнись! Без тебя тошно! – рывкнула с другого конца кубрика Зухра, первый помощник, родом из Лондона.

– Как ты смеешь?! – визгливо обиделось Фернандао. – Я – трансгендер!

– А я – женщина, и еще лесбиянка! Как думаешь, кого послушает комиссия?

Штурман хлюпнул носом, но ничего не сказал.

– Балык хаана, – сказал Нордстрем, у которого от удара по затылку в башке сдвинулось, и он вспомнил все происходившее на торжестве у колонистов.

Хотя отдельные моменты хотелось забыть снова.

– Ты о чем, командир? – спросил Ахмед.

– То блюдо, про которое мне отец Васильевич рассказывал, – пояснил капитан. – Вареная рыба кровь в плавательном пузыре.

Пилота, судя по зеленой, перекошенной физиономии, едва не стошнило на месте. Забормотав что-то, он хлопнулся на колени, взывая к Аллаху, и на этот раз сигнал от муэдзина ему не понадобился.

Нордстрем испытал нечто вроде удовлетворения.

Довести молитву до конца Ахмед не успел, поскольку кляцнул замок и ведущая в коридор дверь распахнулась. Через порог шагнул Семен в шлеме а-ля звездная пехота с поднятым забралом, потертой десантной броне и в валенках, с парализатором на плече.

Увидев такое зрелище, пилот забыл про аяты и ракаты и замер с открытым ртом.

– Мы их душили-душили, – непонятно к чему заявил рыжий, за спиной которого топтались двое мрачных узкоглазых якутов, снаряженных и вооруженных точно так же. – Пойдем, капитан, покажем тебе, что от твоего хозяйства осталось.

Нордстрем помертвел, Фернандао издало приглушенный писк, Ахмед вздрогнул и нырнул под койку.

– Ну и воняет тут у вас, – добавил один из якутов, оказавшийся Урсун: на броне его красовались нанесенные алой краской символы, среди которых особо выделялось Аал Луук Мас, Великое Гигантское Дерево, а на боку, рядом с устрашающего размера тесаком, висел бубен. – Обделался кто-то, не иначе... Или злые абасы завелись, порази их Сугэ Тойон...

– Да, я иду, – сказал Нордстрем, спрыгивая на пол.

По крайней мере эти идиоты не продырявили обшивку и не пустили внутрь вакуум, а еще они, судя по всему, сумели одолеть пиратов и даже отобрали у тех оружие...

Последнее в голове капитана не укладывалось, но факты говорили сами за себя.

В коридоре обнаружился австро-венгерский уроженец Куниц, тоже при парализаторе. При виде начальства он покраснел и отвел глаза, но сделал это как-то совсем неубедительно.

– Что вы натворили? – спросил Нордстрем, когда дверь кубрика закрылась за его спиной.

Он должен узнать все, ну а остальных пока лучше не пугать.

– Мы их победили, ха-ха, – заявил Семен. – Корабль помяли, но совсем чуть-чуть. Летим нормально, дырок нет, навигатор и связь в норме, система жизнеобеспечения работает... Даже сможешь свой любимый рэп послушать, как мы информашку врубим.

У Нордстрема отлегло от сердца.

Ничего, мелкие повреждения они как-нибудь устранят.

– Но как... как вы справились? – спросил он.

– Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути, – влез Урсун. – Заманили этих уродов на корабль, а там уже кого пристрелили, кого в плен взяли. Двенадцать человек в пятом трюме кукуют. Отец Васильевич им проповедь сейчас читает.

Судя по голосу и лицу якута, проповедь он считал чем-то вроде изошренной пытки.

– В общем, к пиратам явился страшный зверь песец, – добавил Семен.

– Но... как? – повторил Нордстрем. – Они же бандиты... а вы простые люди... Должны надеяться на полицию, армию...

– Ага! – Урсун хмыкнул. – Представь, что до ближайшей полиции тысяча верст. Тайгой, горами, болотистой тундрой, где дорог нет. Или снегом, льдом или вообще морем. Если придет белый медведь, то пока ты будешь на полицию надеяться, он твоих оленей слопает, потом собак, а потом тобой закусит... Так что мы сами привыкли себя защищать.

– Верст?

– Ну это как километр, только больше, – пояснил Семен.

– Слушайте, а зачем было меня бить, да еще так сильно? – спросил Нордстрем, вспомнив про многострадальную голову.

– Ну мы же все понимаем, – сказал рыжий. – Тебе в вахтенный журнал писать. Затем отчет сочинять, двадцать раз на допрос ходить и к флотским бюрократам, и колониальщикам, и в комиссию по толерантности. Как ты объяснишь, что потерял власть над кораблем на двадцать

часов? А тут все ясно – пассажиры подняли мятеж, одолели тебя, кэп, грубой силой. Машка честно запишет – ушиб черепа, легкое сотрясение...

Нордстрем не сразу сообразил, что Машка – это доктор Мария Монтобелли.

Пол под его ногами качнулся.

– Так вы хотите, чтобы я вас сдал, черт возьми? После того, как вы нас спасли? Сами же сядете!

– Это вряд ли. – Семен махнул рукой, и Урсун поддержал его мрачным кивком. – Чтобы по всем законам осудить, нас надо в колсуд вызвать и допросить, ха-ха. Пусть попробуют это сделать, когда мы на Хель окажемся. Туда поначалу добраться надо.

Нордстрем поскреб затылок, что вроде бы даже стал меньше болеть.

Выходит, эти типы все рассчитали... да, формально они мятежники, но ни один юрист в здравом рассудке не покинет уютную Землю ради допросов и прочих следственных мероприятий на покрытой снегами дикой планете. А ведь в конечном итоге дело сладилося так, как всем нужно: груз и колонисты доставлены к месту назначения, подкол цел, пираты обезврежены...

– Ну что, пошли корабль смотреть? – осведомился Семен.

– Пошли, – согласился Нордстрем, у которого начала кружиться голова.

От смеси ужаса, облегчения и недоверия.

* * *

По капитанскому вызову боцман явился без брони и оружия, но вовсе не в форме. Стоило Куницу переступить порог, брови Нордстрема поползли вверх, и он даже потер глаза – вдруг от удара по башке и волнений начались видения.

Могучую фигуру боцмана облекало нечто вроде короткого пальто из кожи с бархатным отложным воротником, украшенное полосками цветной ткани и узорами из бисера. Отрезы меха шли по подолу и низу рукавов. На голове красовалась шапка из того же меха, украшенная пушистыми хвостами какого-то зверя.

Защитнику животных вроде Монтобелли при виде такого наряда хватил бы удар.

Хотя после знакомства с Семеном...

– Это что такое? – спросил Нордстрем, обретя дар речи.

– Это называется оноолоох бууктаах, – сказал Куниц, смущенно одергивая рукава в мелких оборочках. – Друзья подарили... Мы же с ними вместе сражались... И все такое.

– Друзья? Всякие якуты, черт возьми?

– Они, – подтвердил боцман.

Нордстрем не нашел что сказать.

Если в первый день он боялся, что корабль превратится в помесь цирка и хлева, то сейчас у него под командой был форменный сумасшедший дом, скрещенный с тюрьмой. Дюжина пиратов ждала под замком того момента, когда их передадут в руки властям. Колонисты, по официальной версии, продолжали мятежничать, изо всех сил угнетали команду и заставляли ее вести «Свободу» по курсу.

Отобранное у космических разбойников оружие они попрятали и больше с ним не появлялись, но капитан знал, что оно на борту. А еще Нордстрем покрывался холодным потом при одной мысли о винтовках и прочем огнестреле, который жители Якутии прихватили с Земли.

Ладно еще, что отстыковали и бросили пиратский звездолет, и то лишь потому, что с такой штукой в атмосферу не войдешь.

– Прекрасно, – наконец сказал он. – Только ты это сними и на службе не носи.

– Но Анне нравится...

– Я твой командир! А не Анна! – прорычал Нордстрем. – Давай-ка лучше к делу! Докладывай, как там ремонт...

Боевые действия, развернувшиеся на борту «Свободы», оставили после себя кое-какие разрушения: сломанные переборки, выбоины в стенах, пятна крови, беспорядок во втором трюме, где развернулось главное сражение, да еще мистическим образом закупорившийся второй канализационный колодец.

– Так точно! – Куниц вытянулся и даже отдал честь, приложив ладонь к меховой шапке. – Работы продвигаются согласно графику! Полное устранение – двадцать два часа! Проводится диагностика обшивки и...

Нордстрем слушал, постепенно успокаиваясь.

Ничего, скоро жизнь на борту войдет в обычную колею, дайте только закончить этот безумный рейс.

– А еще... – Закончив доклад, боцман смущенно кашлянул. – Нас опять позвали. Вечером.

– На торжество? – с ужасом спросил Нордстрем.

– В честь победы, – объяснил Куниц. – Обещали много вкусного и интересного. – Наморщив лоб, он начал перечислять: – Расскажут нам Олонхо, это легенды такие длинные, с песнями и стихами, про подвиги всякие... Нюргун Боотур Стремительный.

Капитан застонал, обхватил голову, внутри которой вновь зарождалась пульсация.

– Кашу из рыбы и морошки, оленьи внутренности, куэрчех, – продолжил боцман, – жареный таман, вяленая утка... Монтобелли уже согласилась, и Ахмед с Мухаммедом.

– Эти-то куда? – вяло удивился Нордстрем.

– Ну так свинины там не предложат. – Куниц осклабился.

– Да уж. А ты, я смотрю, прикипел к этой своей Анне? И не скрываешь?

– Чего там. – Боцман махнул рукой, щетинистая физиономия его побагровела. – Анна такая, коня на скаку остановит и в горящий дом войдет...

– Зачем? – спросил Нордстрем.

– Что «зачем»?

– В горящий дом? Пожарные же есть, спасатели всякие... – Тут капитан осекся. – Хотя догадываюсь, что не в Якутии, где до них тысяча верст и все лесом...

Куниц нахмурился, глянул на начальство так, словно засомневался в трезвости его рассудка.

– Так что передать? Придете? Или нам без вас отдуваться? – спросил он.

– Приду, – ответил Нордстрем без малейшего энтузиазма в голосе.

Если на борту затевается очередное безумство, то капитан должен его возглавить! Все равно ему придется, если что, отвечать за последствия.

* * *

Выгружаться пришлось в такую снежную бурю, какой Нордстрем раньше и представить себе не мог. Но задерживаться на Хель они не имели возможности, а прогноз выглядел слишком неопределенным, синоптик не мог сказать, когда погода изменится.

Так что пришлось открывать люки и опускать ramпы в минус двадцать пять при бешеном ветре и хлещущем снеге, под завывания бродивших вокруг корабля неведомых хищников. Работали как сумасшедшие, в холод и буран, днем и ночью, причем команда не отставала от колонистов.

Фернандао, выглянувшее наружу на полчаса, простудилось и лишилось голоса, но это никого не расстроило. Многие заработали обморожения, в том числе пострадало и ухо Нордстрема, ставшее белым и жестким.

Сейчас оно оттаивало под теплой шапкой и болело, как зуб с дыркой.

Капитан стоял у «горловины» третьего трюма, опустевшего пятнадцать минут назад, и смотрел в бинокль, как внизу в снежной пелене суетятся люди и машины – возводятся каркасные жилища, сортируются контейнеры, вездеходы трамбуют дорогу к реке. При мысли о том, что «Свобода» через час-другой взлетит и он больше никогда не увидит ни Семена, ни остальных, Нордстрему почему-то становилось грустно.

Вроде бы столько проблем создали эти типы, а смотри-ка ты!

На Хель подкол вернется, только если колонисты решат сдаться, и не факт, что этим подколом окажется именно его корабль.

– Э-э... Капитан... – послышался голос Куница, и Нордстрем опустил бинокль.

Боцман был облеплен снегом с ног до головы, а из-под шерстяной шапочки-маски виднелись только сконфуженные глаза.

– Разгрузка закончена, – сообщил он и отвел взгляд. – Разрешите обратиться... ну... кхм... – Таким растерянным венгра или австра на борту «Свободы» не видел никто. – Собираюсь как бы... остаться...

– То есть дезертировать? – спросил Нордстрем.

В людях он все же немного разбирался, Куница за пять лет узнал как облупленного и давно понял, к чему идет дело, чем закончится интрижка бывшего уже гомосексуалиста с дамой, которая и «коня на скаку, и в горящий дом».

Боцман побагровел так, что краснота пробилась даже через черную шерсть маски.

– Вы можете записать меня убитым в схватке с пиратами, – предложил он.

– Нет. Тогда мне нужно будет предъявить твой труп, черт возьми. Бюрократы!

– Тогда пишите дезертиром. – Куниц махнул рукой и повесил голову.

Какой ценой бывшему вояке далось это решение, Нордстрем мог только догадываться.

– Ладно, укажем, что мятежники увели тебя силой, – заявил капитан. – Иди уж. Счастья вам и детиш...

Довести фразу до конца не успел, поскольку всхлипнувший боцман качнулся вперед и стиснул начальство в медвежьих объятиях. Забормотал что-то невнятное, то ли плача, то ли смеясь, а затем побежал по опущенной рампе вниз, туда, где ждала его монументальная Анна.

Место Куница заняла Монтобелли: помада смазана, тушь потекла, глаза опухли.

Понятное дело, с Семеном прощалась... или не прощалась, а кое-что замышляла?

– Капитан... – начала она.

– Нет! – отрезал Нордстрем.

– Что «нет»? – Крохотная итальянка даже отступила на шаг.

– Если ты хочешь остаться на Хель, то я запрещаю! Черт возьми, через мой труп! Без боцмана мы обойдемся, но без врача – никак! Если надо – силой тебя остановим! Я...

Тут Нордстрем увидел на лице Монтобелли неприкрытое изумление и осекся.

– Вы не в себе, капитан? – поинтересовалась она, вскидывая подбородок.

– Ну да... хм... есть маленько, – пробормотал он. – Что у вас?

– Хотела напомнить, что завтра у нас срок планового профилактического осмотра.

Услышав это, Нордстрем облегченно вздохнул, и, несмотря на мороз и бушующую метель, ему стало тепло.

– Об этом позже, – буркнул он. – Вот дезинфекцию трюмов надо провести сегодня. После животных...

– Хорошо, я прослежу. – И Монтобелли, глаза которой подозрительно блестели, удалилась внутрь корабля.

Но надолго Нордстрем в одиночестве не остался. Не успел перевести дух, как к нему поднялась «святая троица» во главе с Семеном: рыжий улыбался, отец Васильевич пылал исхлестанной ветром мордой, Урсун щурился и вертел головой, точно суслик-дозорный.

– Ну что, время прощаться, – сказал капитан. – Надеюсь, у вас тут все получится.

Нет, он настоящий швед, потомок викингов, он не покажет эмоций!

– Выпей, сын мой. Тебе надо. – Отец Васильевич извлек из-под мантии булькнувшую фляжку.

– Что это?

– Самогон, – сообщил Урсун. – На рогах оленя, на печени нерпы и когтях медведя.

Отхлебнув, Нордстрем выпучил глаза и едва не заорал, по глотке прокатился настоящий огненный шар, ухнул в желудок и завозился там, пуская в стороны тонкие раскаленные щупальца.

– Что русскому хорошо, то шведу смерть! – заявил отец Васильевич, забирая фляжку.

Но Нордстрем уже знал, что так в Якутии шутят, и не обиделся.

– Какой же ты русский? – спросил он.

На втором торжестве с участием колонистов капитана торжественно приняли в эвены. Подарили винтовку, лыжи, комплект традиционной одежды, гарпун и даже упряжку с собаками, от которой он с большим трудом отказался.

Отец Васильевич тогда, поминая Богоматерь, долго растолковывал, как носить нагрудник и парку и что узоры по швам не просто украшение, а защита от злых духов.

– Такой же, как я. Не хуже, – снова влез Урсун. – Спасибо тебе, не поминай лихом. Абасы я всех с твоего корабля выгнал, призвал благословение Хомпоруун Хотоя...

– А я освятил как положено именем Господа Иисуса Христа и всех святых! – добавил отец Васильевич и, перекрестившись, сам глотнул из фляжки.

– А еще мы ничего не забыли и ничего не уперли, – подал голос Семен. – Наверное.

– Ладно, идите уже. – Нордстрем протянул руку, но они обняли его по очереди, еще крепче, чем Куниц, и зашагали прочь, навстречу снегам и морозам новой родины, по рассказам не сильно отличающейся от старой.

Капитан проводил колонистов взглядом, пару раз сморгнул, убирая с ресниц налипший снег.

– Начать подготовку к взлету, – скомандовал он находившейся в рубке Зухре. – Рампы поднять, люки задраить.

– Есть, – отозвалась первый помощник.

Нордстрем развернулся и нырнул в пустой, мрачный трюм.

Через пять минут он оказался в рубке, где обнаружил затеявшего очередную молитву Ахмеда – и это в самый неудачный момент, когда нужно взлетать, маневрировать в атмосфере и выходить на траекторию!

Глянув на пилота, Нордстрем ощутил желание врезать ему как следует, и неожиданно понял, что теперь боится всякого рода бюрократов куда меньше, чем раньше. Может быть, по той причине, что у него есть лыжи и гарпун, а может, потому, что познакомился с людьми, которые на любых чинуш веками «болт клали», как говорил отец Васильевич, и ничего, выжили там, где никто больше не мог.

– Эй ты, кончай свой намаз-байрам и быстро за штурвал, – приказал капитан, хлопнув Ахмеда по плечу.

Тот осекся, вытаращил глаза.

Зухра бросила на капитана изумленный взгляд.

– Э... но молитва...

– Сначала – старт, потом – молитва!

– Это угнетение... А если я не послушаюсь?! – визгливо и обиженно, почти как Фернандао, заявил немец Ахмед.

– А если ты не слушаешься, то... придет страшный зверь песец и... наступит! – Нордстрем огладил свои курчавые волосы, и кровожадная улыбка разлилась по его круглому и черному, типично шведскому лицу.

2017

Андрей Столяров

Маленькая Европа

Отец пришел домой раньше обычного. Настроение у него было приподнятое.

– Все, – особым торжественным голосом возвестил он. – Сегодня была комиссия. Утвердили. Едем через три дня.

– Ур-р-р-а-а-а!.. – завопил Ярик и от восторга прошелся колесом по кухне.

Колесо он освоил недавно, и получилось не очень. Тапки слетели, пятка – черт знает как – ударила в край стола. Зазвенела посуда. Мать едва успела подхватить вазочку с ирисами.

– Ярослав! – на три градуса выше обычного сказала она.

– Ну... я случайно...

– Ладно, пусть человек порадует, – успокоил ее отец. – Не каждый день по Европам ездим.

Мать вздохнула:

– Лучше бы в Польшу сначала. Все же привычней. А то как в воду – сразу же в Халифат.

– Курица, как известно, не птица, – сказал отец. – В Польше все то же самое, что у нас.

Ярик его поддержал:

– В Польшу у нас полкласса ездило. А в Халифате еще не был никто.

Он по обыкновению преувеличивал. В Польше у них побывала лишь Верка-маленькая и потом два месяца задирала нос: «Ах, Варшава!.. Ах, Краков!..» Ну, теперь он этот веснушчатый нос утрет.

– Не знаю, – сказала мать, по-прежнему прижимая вазу к себе. – Как-то там неспокойно. А если конфликт? Помнишь, как было в Кельне: вдруг ни с того ни с сего, на ровном месте – пожар...

– Кельн – это Северные эмираты, – объяснил отец. – Там – да, действительно инциденты на грани войны. А в Баварии сейчас обстановка стабильная. Иначе бы нам туда никто ехать не разрешил. И с эмиром Махмудом у нас договор.

На всякий случай он включил радио. Как раз шла новостная программа, и они прослушали ее до конца. Ничего интересного, впрочем, не было. Из Швеции и Норвегии отправлены очередные транспорты с нелегалами. Премьер-министр Скандинавской Унии Яльмар Лангфельд заявил, что к концу года число мигрантов в стране будет доведено до планового уровня в три процента. В Унии останутся только высококвалифицированные специалисты – те, кто уважает наши традиции и соблюдает закон. В связи с этим длительность обязательных муниципальных работ увеличивается для взрослых граждан до тридцати часов в месяц, для студентов – до двадцати, для школьников старших классов – до десяти часов.

– Во дают скандинавы – сами улицы подметают, – сказал отец.

Ярик вскинулся:

– А что? И я так бы мог!

– Ну, ты – конечно. Комнату свою не можешь убрать...

Сообщили также, что перемирие в Таджикистане в основном соблюдается, хотя боевики из «Фронта аль-Иллаван» то и дело обстреливают расположение российских войск. На казахско-узбекской границе за истекшие сутки особых столкновений не произошло.

– Вот видишь. Все в норме. Давайте ужинать. Ну ты чего?

– Я что подумала, – нерешительно ответила мать. – Мы ведь в Мюнхен едем – ты говорил...

– Ну да, столица Баварского эмирата.

– Так вот – Иоганн... Он же из Мюнхена. Помнишь, рассказывал, что у него там остался брат...

Отец как бы споткнулся, а потом медленно опустился за стол напротив нее.

– Мы этот вопрос решим.

– Ты думаешь, что...

Ирисы в вазе мелко подрагивали.

– Решим, – твердо произнес отец.

* * *

Иоганн Карлович пришел ровно в восемь. Он всегда заходил в этот час, чтобы сыграть с отцом партию в шахматы. Счет у них был двести двенадцать на двести десять в пользу отца.

Сегодня он, правда, был несколько возбужден и, взяв поднесенную ему рюмку водки, сказал:

– Базиль, мне нужен твой рекомендаций... совет. Ты зналь: мы хотим сделать фирму для монтажа средних труб, чтобы мне своих арбайтер... рабочих... не отвлекать. Фсе есть правильно? Да!.. И вот уже три месяца идет – как это? – волокит. Один документ подайт, другой документ. А сегодня этот их Тедорчук мне прямо сказал, что надо – как это говорить? – дать на лапу. Хе-хе... На лапу... Как будто он есть медведь... А когда я ответил, что это есть преступлений, он мне ответил, что – как это? – ты ф мой монастырь со свои правила не ходийт. А еще он сказал, что если не нравится, то умотай свой фатерлянд. «Умотай» – это ведь «уезжай», правильно, так? И вот я не понимаю. Мы, немцы, натюрлих... конечно... благодарен России за то, что она нас приняла. И мы стараемся быть полезный вашей стране. Модерн автобан на Китай – немцы. Железный дорог на Китай – тоже немцы. Огромн металлургиш концерн – нох айнамаль!.. И я просто не понимаю, зачем мне гофорят: умотай свой фатерлянд. Мы фам не нужен?..

– Ну, Иоганн, дураки есть везде, – сказал отец.

– Нет, Базиль, это не есть турак. Это есть идиологиш... националь... такой точка зрений. Я изучиль рюсский язык. Мой дети давно ходить ф рюсский школа. Я сам уже почти рюсский. Ферштейн? Я даже водку могу теперь выпивайт без закуска. – В доказательство Иоганн Карлович хлопнул рюмку, громко выдохнул и картинно понюхал рукав пиджака. – Фот так надо правильно, да?

– Ну ты циркач, Иоганн!

– Но я все же не понимаю, почему я должен давать взятка господин Тедорчук за то, что мне положено по закону. И я не понимаю, зачем мне фсе фремя напоминать, что я тут есть немец – чужой...

Отец только вздохнул.

– Ну, какой же ты русский, милый мой Ваня. Ты на себя посмотри: ты даже дома в пиджаке и при галстук ходишь. Ну хоть ты ему, Галина, скажи!

Иоганн Карлович немедленно посмотрел на себя в зеркало.

– При чем тут пиджак? Ну да, я обычно надевайт дома пиджак. Но я же не бормотан... как это по-рюсски?.. не обормот. Почему у сепя дома я не могу быть как культурный и образованный человек?..

Отец безнадежно махнул рукой:

– Ничего тебе, Иоганчик, не объяснишь. Знаешь что? Оставайся ты лучше немцем. Зачем тебе подделываться под нас? Чем больше ты будешь немец, тем больше будут тебя уважать. А насчет этого Федорчука скажу так: не бери в голову. Что-то много Федорчук на себя последнее время натягивает. Я завтра сам схожу в нашу администрацию и кой-кому там по черепу настучу... По рукам?..

Иоганн Карлович показал крупные зубы.

– «По рукам» – это значит «договорились»? Хо-хо!.. А «не бери в голову» – значит «больше не думай об этом»?

– Все правильно, так, – подтвердил отец.

Мать выразительно на него посмотрела.

– И вот еще что... Ты, кажется, говорил, что сам родом из Мюнхена?

Улыбка Иоганна Карловича застыла.

– Йа... аус Мюнхен, – насторожившись, ответил он. – А ф чем дело, Базиль? Что случилось?

На секунду воцарилось молчание. Слышно было, как во дворе перекликнулись женские голоса, а потом хлопнула дверца автомобиля.

– Базиль? – страшным шепотом воззвал Иоганн Карлович.

Ярик даже вздрогнул – будто пепел посыпался с потолка.

А отец нарочито медленно придвинул табуретку к столу.

Лицо у него стало серьезным.

– Знаешь что, Ваня, присаживайся, – сказал он. – И давай-ка нальем себе еще по одной.

* * *

Москву им увидеть не удалось. С сибирского рейса их сразу же провели в мелкий зал, где групповод, представившаяся как Анжела, начала инструктаж.

Это была коренастая женщина лет тридцати пяти – сорока, коротко стриженная, плотная, крепкая, как будто вырезанная из древесного корня.

Голос ее заполнял все помещение.

Анжела сразу же сослалась на Договор о мире и всестороннем сотрудничестве, который был заключен между Россией и Халифатом в прошлом году. Это первый такой договор о взаимодействии цивилизаций, объяснила она, и он обеспечил безопасность западных российских границ. Далее она напомнила, что ислам – одна из древнейших мировых религий, имеющих на земле, ее исповедуют более полутора миллиардов людей. Исламская культура дала ряд выдающихся мыслителей, поэтов, ученых. Вклад Исламского мира в современную глобальную экономику также очень велик. Русский мир с уважением относится ко всем традициям Исламского мира, и нам как представителям Великой России во время нахождения в Халифате следует эти традиции неукоснительно соблюдать.

– Вам всем будет выдана «Памятка для туриста», – Анжела подняла над головой яркий буклет. – Надеюсь, вы внимательно прочтете его. Но все же главные правила я перечислю. Во-первых, прошу запомнить: хиджаб. Это основная деталь мусульманской женской одежды. В Коране указано: «О Пророк! Скажи твоим женам, твоим дочерям и женщинам верующих мужчин, чтобы они туго затягивали свои покрывала. Так их будут лучше отличать от других и не подвергнутся оскорблениям». Хиджаб – это не просто, как некоторые считают, особым образом повязанный головной платок. Хиджаб должен покрывать собой всю фигуру, кроме лица, обуви и кистей рук. – Анжела вскрыла пластиковый пакет и одним движением накинула на себя струящуюся светло-серую ткань. – Вот так... Снимать хиджаб можно только в гостинице. Женщина, появившаяся на улице без хиджаба, все равно что вышедшая без ничего. Прошу об этом не забывать. Также прошу женщин снять с лица макияж. Женщина в макияже автоматически зачисляется в разряд легкого поведения. Прошу, товарищи, не обижаться, но перед выходом буду вас всех проверять.

Отец наклонился к матери:

– Ну вот, хоть узнаю, как ты выглядишь на самом деле.

– Точно так же. Разницы никакой...

– А во-вторых, бэдж, – сказала Анжела. – Это ваше основное удостоверение личности. Упаси бог его потерять. На бэдже указано, откуда вы – из России, ваше имя и шифр гостиницы, где мы остановимся. Если кто-то вдруг отобьется от группы – надеюсь, конечно, что этого не произойдет, – не обращайтесь, пожалуйста, ни к кому из местных: вас могут принять за кафира, покинувшего без разрешения свой квартал. Найдите полицейского или патруль и предъявите ему этот бэдж. Он сопроводит вас до гостиницы... И еще один важный момент. Если среди вас есть верующие, имейте в виду: ни в коем случае не креститься при виде христианских церквей. Прошу за этим следить. В Халифате ревниво относятся к своим религиозным обычаям – может произойти инцидент.

Она подняла руку:

– А теперь специальное объявление для мужчин. Провозить в Халифат спиртные напитки категорически запрещено. У кого с собой имеется, лучше уж употребите сейчас.

Никто в зале не шелохнулся.

Только мать нервно глянула на Ярика, а затем – на отца.

– Что-то мне захотелось домой, – сказала она. – Может быть, не полетим куда?

Ярик даже подпрыгнул:

– Ну, ты, мам!.. Ты в самом деле – что говоришь?..

– Галя, не пугай ребенка, – сказал отец.

– Я не пугаю. Просто хочу домой.

– И я уже не ребенок!

– Тс-с-с... Не шуми.

Анжела успокаивающе улыбнулась:

– А вообще не думайте, что Халифат – это такое место, где без разрешения нельзя шагу ступить. Халифат – цивилизованная, дружелюбная нам страна, гостям там рады – при соблюдении нескольких элементарных правил мы проведем эти дни с удовольствием и легко. Желаю всем приятного путешествия!.. А теперь переходим к таможенным стойкам – прошу, пожалуйста, вон в ту дверь.

Все начали подниматься с мест. Ряды стульев были расположены как-то тесно, впритык. Мать подталкивала Ярика в спину: «Давай-давай...» Но он все же, неловко выбираясь в проход, успел заметить, что Анжела, прежде чем самой повернуться к дверям, закрыла на секунду глаза, вроде бы прошептала что-то неслышное, вздрогнула и затем – размашисто перекрестилась.

* * *

Впрочем, волновалась Анжела напрасно. Перелет до Мюнхена, по мнению Ярика, ничем не отличался от перелета из Сибири в Москву. И пограничный контроль в Халифате они прошли без каких-либо происшествий. Таможенники в белых мундирах равнодушно скользнули взглядами по их багажу. Правда, несколько странно было видеть мать, закутанную в серую ткань, но отец, почему-то развеселившись, заметил, что ей идет.

– Надо бы и у нас хиджабы ввести. И чтобы ходили скромно, потупя глаза.

Мать на это ответила, что маскулинное общество себя изжило. И слава богу – посмотри, к чему оно привело.

– А что такое «маскулинное»? – немедленно спросил Ярик.

– Это когда всем руководят мужчины, – ответила мать.

– Разве так бывает? – удивился Ярик. – Ведь у нас дома всем командуешь ты.

– Вот видишь? – усмехнувшись, спросил отец.

– Вижу, – мать с демонстративной скромностью опустила глаза.

Гостиница, куда их привезли на автобусе, тоже ничем особенным не удивила. Семейный номер: большая комната для родителей, маленькая – для детей. Точно в таком же жили они, когда год назад приезжали в Москву. Мать все осмотрела, везде зажгла свет.

Подвела итог:

- Ну что ж... Очень прилично.
- А чья заслуга? – горделиво спросил отец.
- Твоя, твоя, – и мать, поднявшись на цыпочках, чмокнула его в щеку.
- Это к вопросу о маскулинном обществе.
- А ты заметил, что обслуживающий персонал здесь исключительно женщины?
- Да, местные...
- Зато присматривает за ними араб.
- Ну и что?
- Ничего. К вопросу о маскулинном обществе...

И сам город сильного впечатления на Ярика не произвел. Ну, дома, декорированные темными планками. Ну, архитектура немного иная, чем у них в Белореченске. Ну, прошеествовали бедуины в джеллабах. Ну, игольчатые шпильки и башенки здания Ратуши. Ну, какая-то мрачная, вытянутая, точно казарма, Пи-на-ко-те-ка (это слово Ярик выучил наизусть, чтобы потом, в классе, блеснуть). Ну ведь так и должно быть, правда? Что тут удивительного? Халифат – он и есть Халифат. Некоторый интерес у него вызвало только то, что правое крыло Ратуши было наполовину развалено, как будто по нему врезали молотком, а нижняя его часть – расцвечена черными лепестками саж. (Ракета попала, – шепотом пояснил отец. – Видимо, бои здесь все-таки шли.) Также Ярик заметил, что на улицах, по которым ехал автобус, некоторые дома стояли без стекол, черное их пустое нутро свидетельствовало, что люди здесь не живут. А сами улицы хоть и были подметены, но в переулках виднелись груды мусора и битого кирпича. Но опять-таки – что здесь странного? Халифат.

Если честно, то он немного скучал. Картины в Пинакотеке, изображающие незнакомых людей, навевали тоску. Что он, картин не видел? На картины он насмотрелся еще в Третьяковской галерее в Москве. А скульптуры, расставленные вдоль стен, и тяжелые каменные плиты с резьбой, казалось, были покрыты мутной пылью веков. У Ярика от всего этого слипались глаза. Оживление внес лишь неожиданный инцидент в одной из церквей, где экскурсовод, будто женщина – в розовом пестром платке, спадавшем на плечи, – сладким голосом объяснял, что этот памятник долгое время считался выдающимся достижением европейской архитектуры, но недавно найденные в Александрийском хранилище чертежи бесспорно указывают на то, что он – лишь копия громадной мечети, разрушенной европейцами во время их жестоких колониальных войн.

– Вообще арабы – щедрый народ, – вещал экскурсовод, которого звали Али. – Когда в период Средних веков они начали контактировать с европейцами, то охотно делились своими знаниями: подарили им компас, астролябию, научили строить океанские корабли, открыли секрет пороха и бумаги, обучили алгебре – высокой магии цифр. А потом европейцы обратили эти знания против них самих...

Вот тогда это и произошло.

– Скажите, – внезапно спросил розовощекий крепыш, стоявший в первом ряду, – а кто сжег Кельнский собор?

Анжелика немедленно обернулась к нему – вытаращила глаза и яростно затрясла головой. Однако экскурсовода этот вопрос не смутил. Он скорбно опустил веки, соединил у груди кончики пальцев и, чуть кланяясь, тихим голосом объяснил, что Кельнский собор сожгли сами немцы. Это была заранее подготовленная провокация. Сразу после этого начались беспорядки – массовые убийства и грабежи. Великий эмир Махмуд – благоденствия ему на тысячу лет! – чтобы восстановить спокойствие, был вынужден ввести в Кельн войска... Еще вопросы?

– Спасибо! Вопросов нет! – звонким металлическим голосом отчеканила Анжела.

* * *

Вечером она собрала группу в конференц-зале гостиницы и, судорожно дыша, попросила больше провокационных вопросов не задавать.

– Вы же взрослые люди, должны понимать! В эмирате очень болезненно относятся к своему имиджу. Особенно после резолюции, которую приняла ООН насчет сохранения культурных ценностей на «временно самоуправляемых территориях». Ну чего вы добились... э-э-э... Павел Иванович? – спросила она крепыша. – Ну, лично вам разрешения на въезд в эмираты больше никогда не дадут. А мне придется объясняться в их иностранном бюро – почему не подготовила группу. Не дай бог еще лицензию отзовут...

Анжела очень переживала.

Тому же розовощекому крепышу пришлось ее утешать.

* * *

Другой инцидент произошел уже после экскурсии. Еще утром, садясь в автобус, Ярик заметил, что неподалеку от входа в гостиницу стоит некий старик – неподвижно, так что его можно было принять за памятник, а перед ним в плоской картонной коробочке, положенной на асфальт, желтеют несколько медаков.

Экскурсовод Али, который до этого никаких последствий войны напрочь не замечал – ни выбитых окон, ни вывалившихся дверей, ни пробоин от снарядов и пуль, как будто их не было вообще, – тут почему-то счел нужным дать объяснения. Он передернул плечами и вскользь заметил, что Халифат с особым вниманием относится к местному европейскому населению. Все немцы обеспечены посильной работой, у них есть жилье, у них есть начальные школы, где они могут учить детей, а в кафирских... гмг... я хочу сказать, в европейских кварталах даже разрешено совершать христианские религиозные церемонии. Эмир Махмуд – благодетельства ему на тысячу лет! – кроток и милосерд. Тем же кафирам, которые упорно не желают трудиться, тем, кто отвергает даруемые эмиром блага, разрешено просить милостыню у правых. Это полностью в русле древней исламской традиции, ибо ислам – это религия милости и добротерпения...

Старик, казалось, ни на что внимания не обращал. Он, точно экспонат из Пинакотеки, не замечал ни времени, ни людей. На плечах его, словно у настоящего памятника, белел голубиный помет. Однако когда Ярик, посланный матерью, положил ему в коробку несколько мелких купюр, сказав: «Вот... Возьмите, пожалуйста...» – от волнения он произнес это по-русски, то старик вдруг повернулся к нему и визгливым голосом закричал: «Русише швайн!.. Фердамт!.. Раус хир!..¹ – и брезгливо выбросил деньги на асфальт.

Ярик отскочил как ошпаренный. Вместе с тем он успел заметить, что вокруг старика будто вскрутился воздух – мелкие тени выпорхнули из ближайшего переулочка, подхватили купюры и тут же исчезли.

Ярик был изумлен:

– Зачем он так?

– Немцы и вообще многие европейцы считают, что мы их предали, – помедлив, сказал отец. – Бросили их беззащитными, когда началась Великая хиджра. Дескать, Европа гибнет, западной цивилизации приходит конец, а русские загордились на границах кордонами и раду-

¹ Русская свинья!.. Проклятье!.. Убирайся отсюда!.. (нем.)

ются. Они считают, что нам следовало сражаться за них – ввести войска, плечом к плечу отстаивать европейские ценности.

– Ну да, – с неприязнью откликнулась мать. – А помнишь, как они навалились на нас со своими санкциями? Мы тогда из-за этого еле дышали. Помнишь? Конечно, помнишь! В вашем КБ сократили тогда четырнадцать человек... А теперь, выходит, сражайся за них!..

Глаза у нее сверкнули.

Отец поднял палец:

– Тихо!

– Что значит – тихо?

– Это значит – не здесь. И, разумеется, не в гостинице. Вернемся домой – спокойно поговорим.

И, пресекая дальнейший спор, он повлек мать и Ярика в гостиничный холл.

* * *

Утром вся группа была взбуждена. Оказывается, ночью, пока Ярик спокойно спал, митинг мигрантов, начавшийся еще вечером на окраине Франкфурта, перерос в колоссальные беспорядки. В городе разгромлены банки, офисы, магазины. Выбиты стекла и выломаны двери в домах. Население южных кварталов в панике эвакуируется на север. Вспыхивают многочисленные пожары, но толпа, неистовствующая на улицах, не пропускает пожарных машин. Полиции и армейским подразделениям пока не удается локализовать бунтующих: вытесненные из одного квартала, они немедленно перетекают в другой. Более того, на помощь им пришло «исламское ополчение» – уже ночью оно пробило таранами трехрядное проволоочное ограждение одновременно в районе Фульда (на границе Гессена и Баварии) и в районе Майнца (бывшая земля Рейнланд-Пфальц). Сейчас сотни тысяч людей, многие из которых вооружены, крушат все на своем пути, устремились навстречу друг другу. Части бундесвера, переброшенные в этот район, не смогли организовать оборону и беспорядочно отступают. Комментаторы предрекают, что Южный Гессен уже в ближайшие пять-шесть часов будет полностью окружен. Немецкое население из этого региона бежит. Бундесканцлер Гельмут Заар обратился со срочной просьбой в ООН ввести в данный район миротворческий контингент. Заседание Совета Безопасности назначено на шестнадцать часов, но, по мнению политологов, миротворческие войска в Гессен введены не будут: их части с трудом удерживают сейчас «линию мира» в Южной Тюрингии, где аналогичные волнения вспыхнули около девяти утра. Эмир Махмуд, в свою очередь, в экстренном выступлении заявил, что войска эмирата линию разграничения не переступали. Все случившееся являет собой стихийный народный протест против притеснения в земле Гессен мусульманских общин, на что он неоднократно указывал международной общественности. Теперь чаша народного гнева переполнена, сказал эмир, всю ответственность за это несет политическая элита Германии. Одновременно российское правительство заявило, что оно подтверждает гарантии странам (или суверенным территориям их), находящимся к востоку от разграничительной линии. Всякое покушение на целостность Греции, Болгарии, Сербии, Чехии и Словакии будет рассматриваться как агрессия, направленная против России. Она вызовет соответствующие ответные меры.

– Ну вот, приехали, – сказал в столовой отец. – Думаю, что большую часть Гессена и по крайней мере половину Тюрингии немцы теперь потеряют. Хорошо если им удастся закрепиться на линии Цвикау, Эрфурт, Марбург и Дюссельдорф. Причем каждый раз, заметим, один и тот же сценарий: сначала – требования, которые невозможно принять, потом – якобы стихийный протест, собирающий многотысячную толпу, далее – столкновения с полицией, жертвы, и как результат – помощь «народного исламского ополчения».

– Снова хлынут беженцы, – вздохнула мать.

– Думаю, что миллиона два-три немцев Россия еще сможет принять.
– И куда мы их денем?
– Сибирь – большая.
– Но войны, надеюсь, не будет?
– Чтобы воевать с Россией, у Халифата недостаточно сил. Это все-таки не кукольный бундесвер и не мифические силы НАТО, которые при первой же серьезной угрозе растаяли без следа. Нет, по крайней мере лет десять у нас еще есть.

То же самое подтвердила Анжела.

Похлопав в ладоши, чтобы привлечь внимание группы, она сказала, что только что связывалась с Москвой, там считают, что никакой опасности данные инциденты для туристических маршрутов не представляют. Волноваться не надо. Мы идем по обычному графику.

– Тем более что осталось нам всего ничего...

Правда, вынырнувший из-за ее спины экскурсовод Али сообщил, что программа сегодняшних осмотров немного меняется. Сначала мы посетим Баварский национальный музей, а затем побываем в европейском квартале на выставке народных ремесел. – Там вы сможете приобрести сувениры. А заодно, – скромно добавил Али, – своими глазами увидите, как живут местные жители – сможете убедиться, что все сообщения англо-немецкой прессы о якобы имеющих притеснениях европейцев являются наглой ложью.

– А как же Восточный базар? – спросил розовощекий крепыш.

– А на Восточном базаре мы побываем завтра, по дороге в аэропорт. Для этого отбытие из гостиницы произойдет на час раньше. Прошу пометить это в своем расписании.

Мать как-то странно глянула на отца. Тот чуть кивнул, а потом взял чашку и направился будто бы за добавкой кофе. Однако по дороге поставил чашку на край стола, а сам обратился к экскурсоводу с каким-то вопросом.

У того на секунду окаменело лицо. Затем Али улыбнулся, и они оба выскользнули на улицу.

Вернулся отец буквально через пару минут и, отвечая на тревожный взгляд матери, негромко сказал:

– Все в порядке.

– Сколько ты ему заплатил?

– Сто динаров.

– Как-то дороговато.

– Ну, знаешь, в данном случае лучше переплатить. – И он снова выбрался из-за стола. – Ах да!.. Я же собирался налить себе кофе...

* * *

Торговые ряды в европейском квартале тянулись, вероятно, на километр. Во всяком случае, конца их не было видно. Чего тут только не продавали: и фарфоровые статуэтки, и сервизы разнообразных цветов, и часы – от обычных, наручных, до громадных напольных в футлярах из красного дерева, и поношенную одежду, и банки рыбных консервов, и слесарные инструменты, и картины, принадлежащие кисти якобы известных художников. Но удивительнее всего было то, что в окнах обшарпанных пятиэтажек, высящихся за рядами, торчало по шесть, восемь, десять, даже по пятнадцать детей, с любопытством взирающих на непрекращающуюся торговлю.

Розовощекий крепыш, оказавшийся в эту минуту рядом, объяснил, что после исламизации города все европейцы были выселены на окраины, в каждой квартире теперь живут по несколько разных семей. Также он объяснил, что европейцам нельзя иметь сотовых телефонов, планшетов, пользоваться Интернетом (его в этих кварталах попросту нет), приобретать

легковые машины и вообще покидать гетто, кроме как по служебной необходимости. Тех, кто работает в центре города, отвозят туда на специальных автобусах, а после смены на таких же автобусах отправляют под охраной домой. Телевизоры в гетто, правда, не запрещены, но транслируется лишь один канал, вещающий исключительно на арабском.

Ярик к нему не очень прислушивался – от множества лиц, от нескончаемой толкотни, от глухого шума, создаваемого тысячей голосов, у него слегка плыла голова. К тому же он боялся отстать от родителей, которые вели себя очень странно: ни к чему не присматривались, нигде ничего не приобретали – протискивались вперед, иногда, наклоняясь, о чем-то тихо спрашивали продавцов, получали ответ, опять протискивались вперед. Мать время от времени обирачивались и подтаскивала Ярика за собой:

– Не отставай!

Он уже догадывался, в чем дело. У Иоганна Карловича остался в Мюнхене брат, который не успел вырваться из хаоса хиджры. Жил он, видимо, где в этом квартале, и теперь отец с матерью пытались его отыскать. Он также догадывался, что отец дал денег экскурсоводу, чтобы тот привез их группу именно в этот район.

Но разве в такой толчее можно кого-то найти?

Тем не менее от очередного лотка, где были аккуратно разложены вилки, ложки, ножи, отец обернулся и сделал им с матерью знак рукой.

Странная, будто из серебра, музыка слышалась впереди, и когда они осторожно протолкались туда, Ярик увидел высокого старика в черном костюме, совершенно седого, с лицом, собранным в складки деревянных морщин. Старик крутил ручку черного ящика, поставленного на треногу, и оттуда выкатывались эти странные звуки, похожие на капель серебряного дождя.

– Шарманка... Где только он ее раздобыл? – шепнул отец.

А сам старик, прикрыв веками выпуклые глаза, дребезжащим и слабым, но все-таки музыкальным голосом выводил:

О, ду либер Августин, Августин, Августин,
О, ду либер Августин, аллес ист хин...

Ярик не слишком хорошо знал немецкий язык, но благодаря Иоганну Карловичу кое-что понимал. Грустная была песня... Ах, мой милый Августин, все, все пропало... Пропали деньги, пропало счастье... Пропал город, в котором мы жили... Мы льем горькие слезы... Ах, мой милый Августин... Был праздник, а стала чума... Была жизнь – теперь у нас похороны... Ах, мой милый Августин... Все, все прошло...

Перед стариком, как перед тем же нищим около входа в гостиницу, стояла коробка, на дне которой лежали круглые медяки.

– Не подойти к нему, – сквозь зубы сказал отец.

Их разделяло пустое пространство.

Двое патрульных в грязно-зеленой форме ощупывали толпу внимательными горячими взглядами.

Отец посмотрел на Ярика.

– Нет-нет, – нервно сказала мать.

Появился откуда-то экскурсовод Али и замахал им рукой: нам пора...

– Только спокойно, – сказал отец.

Ярик протиснулся в первый ряд и встал рядом с мальчиком примерно такого же возраста.

– Герр Митке? – прошептал он.

Сердце у него колотилось так, что он боялся – полицейские бросятся на этот стук.

Однако ничего, обошлось.

Мальчик, не шевельнувшись, скосил глаза на шарманщика.

– Шикен зи айнен бриф... Передать письмо... – по-немецки прошептал Ярик.

Мальчик, не удивляясь, повернулся к нему спиной и протянул руку назад. Конверт, данный отцом, скользнул в ладонь и тут же исчез под курточкой.

Ярик осторожно попятился.

– Ну где ты, где ты? – сказала мать и порывисто прижала его к себе. А затем крикнула экскурсоводу: – Все, все, господин Али! Мы идем!..

* * *

Утром они первым делом включили новости, и хотя арабского языка никто, конечно, не знал, но можно было понять, что оправдываются самые худшие ожидания. Миротворческие войска эвакуировались из Южной Тюрингии. Народное исламское ополчение медленно, но упорно продвигалось к Марбургу и Дюссельдорфу. Франкфурт был безнадежно потерян. Возводились армейские заграждения вокруг Дортмунда, Эссена и Дуисбурга. Произошел инцидент на чешско-баварской границе. Туда в срочном порядке перебрасывали дополнительный воинский контингент.

– Все. Теперь у Халифата будет открытая граница с Бельгией, – сказал отец. – А возможно, эмир прихватит и часть Голландии.

– Думаешь, бельгийцы не устоят?

– Трудно сказать...

– Американцы ведь обещали послать войска. – Мать застыла над распахнутой дорожной сумкой.

– Американцам дай бог свои штаты на юго-западе удержать – Калифорнию, Аризону, Нью-Мексико и Техас. Мексиканцы, наподобие Халифата, так напирают, что того и гляди вспыхнет война...

– Ты только посмотри... – повернулась мать.

Она держала в руках небольшой, видимо, самодельный мятый белый конверт.

– Откуда это?

– Вот, прямо в сумке нашла...

– Так это для Иоганна Карловича, – догадался Ярик. – Ура-а-а!.. Значит, наше письмо ему передали...

– Положили, пока мы были на завтраке, – сказал отец.

– Ура-а-а...

– Ты, разумеется, молодец!

Мать взмахнула конвертом:

– А как мы это через границу повезем?

– Так и повезем. Сунь в сумку – и все.

– А если обыск?

– Брось... На письма погранцам начихать...

– Ну давайте я к себе его положу, – предложил взбодрившийся Ярик. – Меня же... ребенка... не будут обыскивать... скорее всего...

– Не будут, не будут, – задумчиво ответила мать. – Ах, боже мой, эти европейские дурачки!

– Тебе их не жаль? – спросил отец.

– В том-то и дело, что жаль. Но все равно – дурачки...

И она решительно запихала конверт в карман своего плаща.

* * *

Иоганн Карлович пришел, как всегда, ровно в восемь. Они с отцом расставили шахматы и быстро сделали несколько первых ходов.

А затем Иоганн Карлович по обыкновению глубоко задумался.

– Так что тебе, Ваня, пишут из Мюнхена? – наливая по второй рюмке, поинтересовался отец. – Если, конечно, не семейный секрет.

– Эта песня про Афгустин... – невпопад произнес Иоганн Карлович. – Ее сочинял один немец... австриец... фюффема чума в семнадцатый век. Он напился и упал в похоронный яма. И чтобы его не засыпал, стал петь. Вот так... А Генрих... майн брудер Генрих мне написал, что хочет эмигрировать к нам. Но это... как это?.. чтобы уехать... Халифат требовать очень большой налог.

Он взял коня, приподнял его над доской, подержал, словно забыв о нем, и поставил на то же самое место.

Отец почесал в затылке.

– Ну, не расстраивайся, Иоганн. Ну, ладно. Ну, заплатим мы этот хренов налог. Ну, соберем как-нибудь. Ты ж нам не чужой человек.

– Конечно, соберем, – бодро сказала мать. – И пусть не сомневается: приедет – тоже поможем. Он же архитектор? Пристроим его куда-нибудь. А что это вы не закусываете? Давайте я вам еще пирожков положу...

Иоганн Карлович осторожно взял теплый, вкусно пахнущий пирожок.

– Что меня в фас, русских, фсегда поражайт, – сказал он, – это ваши... дас идиоме... народный выражений... Как-нибудь, куда-нибудь... И еще: об-раз-зу-ва-ет-ся...

– Ну конечно, все как-нибудь образуется, – сказала мать. – Не переживайте вы так...

– Йа, натюрлих... Эта ваша вера в шикзаль... в фатум... в судьба... Что судьба фас непременно спасаль...

– А как же иначе? – удивился отец. – Судьба есть судьба, против нее не попрешь. А русская судьба – выходить живым из огня...

– Дас шикзаль ист дас шикзаль, – внезапно выпалил Ярик.

Все на него посмотрели.

Он от смущения покраснел:

– А что?

Секунды три длилось молчание. А потом отец неторопливо кивнул.

– Да нет, ничего, все правильно, – сказал он.

* * *

Поздно вечером Ярик заглянул в Интернет. Продвижение исламского ополчения вроде бы остановилось. Регулярные войска бундсвера прикрыли Эрфурт, а на окраинах Дюссельдорфа лихорадочно окапывался ландвер. Считалось, что ситуация стабилизируется. Начались переговоры о беженцах, которым для выхода требовался коридор. Совет Безопасности ООН призвал обе стороны решить конфликт мирным путем.

На политической карте Европа выглядела смесью осколков, разделенных трещинами границ.

Как будто что-то цветное разбилось вдреизг.

«Какая она маленькая», – подумал Ярик.

– Спать! Спать! Спать!.. – крикнула мать, проходя на кухню.

– Ладно, уже ложусь...

Ночью ему приснился мюнхенский торговый квартал. Колыхалась неотчетливая толпа. Вздymались над ней и сливались с небом мрачные панели домов. Старик в черном костюме крутил ручку шарманки:

– О, ду либер Августин, аллес ист хин...

Шарманка подрагивала. Только вместо музыки выползала оттуда густая темная пыль...

Алексей Калугин

Что мы делаем здесь?

Онера разбудила простуженно квакающая сирена. Еще не до конца проснувшись, Онер ухватился за поручни и легко, одним движением вытолкнул себя из спального пенала.

Слева и справа от Онера выпрыгивали из своих пеналов другие рабочие дневной смены. Двигаясь если и не синхронно, то в одном ритме, люди выполняли одинаковые, доведенные до автоматизма движения. Повторяющиеся изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год.

Хлопнув по крышке откидного ящика, Онер достал аккуратно сложенный светло-серый комбинезон и пару пластиковых сандалий. Комбинезон кинул на плечо, в ремешки сандалий продел мизинец и безымянный палец.

Щелк! – ящик закрыт.

Хлоп! – спальная полка с тонким матрасом и легким одеялом прижата к боковой стенке.

После того как дневная смена покинет спальную секцию И-42, их пеналы займут рабочие ночной смены.

В Цитадели все было рассчитано по минутам и продумано так, чтобы ни один квадратный сантиметр жизненного пространства ни секунды не пустовал. Там, где пространство ограничено, пустота – непозволительная роскошь. Все приходится делать быстро, синхронно, плечом к плечу. Научиться такому, должно быть, непросто. Но если живешь с этим с самого детства, если никогда не видел, не пробовал ничего другого, все кажется если и не вполне нормальным, то обычным.

Онер нажал большую квадратную клавишу зеленого цвета. Раздалось негромкое, приглушенное гудение – включилась система дезинфекции. К той минуте, когда явятся рабочие ночной смены, пенал будет стерилизован.

День, ночь – в Цитадели эти слова имели условное значение. День под землей ничем не отличался от ночи. Ночная смена отличалась от дневной только названием. Год назад Онер три месяца проработал в ночной смене – никакой разницы. Те же нудно гудящие станки, те же черные сверла, с визгом впивающиеся в серебристые болванки, тот же яркий белый свет бестеневых ламп под потолком. Та же овсяная каша с саломасом на обед.

Людей, которые спали в соседних пеналах, вместе с которыми он принимал душ, завтракал и шел в рабочий цех, Онер знал только в лицо. Редко когда он обменивался с кем-то из них словом-другим. Это был не разговор, а именно обмен стандартными, ничего не значащими фразами. Им не о чем было говорить. Их дни, отпечатанные со стандартной матрицы, были неотличимы один от другого.

Кинув одежду на оранжевую стойку, Онер вошел в душевую кабинку. В спину ударили колючие, чуть теплые струи. То, что надо для того, чтобы смыть остаток сна. Рядом с кнопкой душа открылась квадратная ячейка, наполненная круглыми синими таблетками. Онер взял одну, разорвал упаковку и кинул таблетку в рот. Затем набрал пригоршню воды и втянул ее через вытянутые губы. Таблетка с шипением начала растворяться. Онер старательно полоскал полость рта, пока продолжалось шипение. Когда таблетка полностью растворилась, Онер выплюнул бурю жидкость и прополоскал рот чистой водой. Все – полость рта была продезинфицирована.

Онер хлопнул ладонью по кнопке душа, вышел из кабинки, взял из стопки синее полотенце, тщательно вытерся, кинул полотенце в корзину, надел комбинезон и сунул ноги в сандалии.

Точно в этот момент раздался звуковой сигнал, извещающий, что время водных процедур для работников из секции И-42 закончилось.

Приглаживая на ходу влажные волосы, они строем проследовали в столовую.

Собственно, никто не заставлял их ходить строем, но так было удобнее. Один за другим одетые в одинаковые серые спецовки люди брали со стола подносы, подходили к окну раздачи, получали синюю пластиковую миску с комковатой перловой кашей, два куса серого, как их комбинезоны, хлеба, половинку яблока и стакан киселя из ревеня, такого густого, что его можно было ложкой есть. Затем они рассаживались за длинные столы – по шесть человек с каждой стороны – и приступали к приему пищи. На который отводилось девять минут. Онер управлялся за семь с половиной. После чего, сытый и довольный, наблюдал за тем, как другие спешно доедают свой завтрак.

Сидевший напротив Онера работник допил кисель, поставил стакан в пустую миску, посмотрел на Онера и улыбнулся.

– Вкусная сегодня каша, – сказал Онер.

– Очень, – ответил визави.

Вот и весь разговор.

За пятнадцать секунд до звонка, по сигналу которого все они должны были подняться со своих мест и снова строем, чтобы не толкаться и не мешать друг другу, проследовать в цех, расположенный двумя уровнями ниже, в столовую вошел человек с широкими красными полосами на рукавах серой спецовки – дружинник.

– Работник Онер! – отчетливо и громко произнес он.

Онер удивленно вскинул брови, но тут же встал.

Ноги – вместе. Ладони – на бедрах. Подбородок – вверх. На губах – улыбка. Не игриво-дурацкая, а спокойная и уверенная.

– Я!

– За мной, – коротко кивнул дружинник и уверенной походкой направился к выходу.

Онер догнал дружинника у дверей.

Как только они покинули столовую, прозвенел звонок. Заскрежетали отодвигаемые скамьи. Зашаркали подошвы сандалий по каменному полу.

Онер следовал за дружинником, понятия не имея, куда и зачем тот его ведет.

Почему дружинник забрал его из столовой?

Не будет ли его отсутствие за станком в момент начала смены расценено как нарушение трудовой дисциплины?

Быть может, его перепутали с каким-то другим Онером?

Мог же в Цитадели отыскаться другой Онер?

Да совершенно запросто! И даже не один!..

Дружинник остановился возле арочного проема, выкрашенного по периметру белой с желтоватым оттенком краской, и повернулся лицом к Онеру.

– У вас пятнадцать минут, – сказал он и сделал шаг в сторону.

Онер вошел в небольшую комнату. Три шага в одну сторону, три – в другую. Стены выкрашены в светло-зеленый цвет. Потолок – белый, но из-за тусклого освещения кажется серым. В центре – квадратный стол и два табурета. На одном сидит пожилая женщина с маленьким, будто сжавшимся лицом и коротко остриженными, заметно седыми волосами. В такой же серой спецовке без знаков различия, как и у Онера.

Увидев вошедшего, женщина оперлась руками о стол и тяжело поднялась на ноги.

– Онер!

– Сядьте на место! – сухо прохрипел круглый динамик на стене.

Только сейчас Онер узнал в женщине свою мать.

– Сядьте на место, иначе свидание будет прекращено!

Сморщившись, будто собираясь заплакать, женщина опустила на табурет.

– Онер...

Онер быстро подошел к столу и сел на свободный табурет напротив нее.

– Здравствуй, мама.

Глядя на сына влюбленными глазами, женщина наклонила голову к плечу.

– Ты изменился, Онер... Возмужал.

Не зная, что ответить, Онер смущенно улыбнулся.

– Мы давно не виделись.

– Год, – уточнил Онер.

Женщина судорожно сглотнула и коротко кивнула.

– Сегодня у тебя день рождения.

– Я уже догадался.

Онер положил руки на стол.

Мать накрыла его ладони своими и стала тихонько поглаживать пальцами.

– Тебе уже двадцать лет, – произнесла она сдавленным полусшепотом.

– Говорите громче! – прохрипел динамик.

Не отпуская рук Онера, мать откинулась назад и закатила глаза к потолку.

– У меня болит горло, – тихо произнесла она. – Есть справка от врача.

– Постарайтесь говорить громче! – то ли попросил, то ли потребовал голос из динамика.

– Я постараюсь, – сказала мать и вновь обратила свой взор на Онера. – Ну, расскажи, как у тебя дела?

– Нормально, – смущенно пожал плечами Онер.

– И это все? – удивилась мать.

– А что еще сказать? – снова дернул плечами Онер. – Все как у всех.

Он в самом деле не знал, о чем говорить с сидевшей напротив него женщиной. Он видел ее раз в год, на свой день рождения. Пятнадцать минут. Иногда он замечал ее в строю рабочих, следующем куда-то мимо его строя. И если он не успевал отвернуться, она махала ему рукой. Он знал, что это его мать, но при этом не испытывал к ней никаких чувств. Она была для него такой же чужой, как сосед по пеналу. Сама же она настойчиво поддерживала видимость родственных отношений. Поэтому каждый год в день его рождения подавала прошение о свидании. Она имела на это право. А Онер не имел права отказаться. Иначе бы он так и поступил. После этих встреч он не испытывал ничего, кроме жалости к женщине, все еще считающей его своим сыном.

– Тогда скажи, чего бы ты хотел? – все так же тихо спросила мать.

– Ничего, – качнул головой Онер. – У меня есть все, что нужно.

– Может быть, что-нибудь ненужное? – едва заметно улыбнулась мать.

– Зачем? – Онер искренне не понимал, о чем она его спрашивает.

Мать снова любовно погладила ладони Онера.

– У тебя нет никакой мечты?

– Нет, – не задумываясь, ответил Онер.

– Две минуты до окончания свидания! – прохрипел динамик.

– Ну, вот, а мы не успели ничего друг другу сказать...

И тут Онер почувствовал, как пальцы матери вложили ему в ладонь сложенную в несколько раз, до размера ногтя на пальце, бумажку.

Онер бросил на мать удивленный взгляд.

Женщина подалась вперед так резко, что едва не стукнула Онера лбом.

– Возьми, – тихо, едва слышно произнесла она. – Это подарок на день рождения. Я давно уже ничего тебе не дарила.

– Что это? – так же тихо спросил Онер.

– Говорите громче! – потребовал голос из динамика.

– Это план прохода через защитный периметр. Уходи из Цитадели, сынок. Уходи, пока еще есть молодость и силы.

– Куда? – растерянно спросил Онер.

– В Город, разумеется.

– Что я буду там делать?

– Жить.

– Говорите громче! Иначе свидание будет прекращено!

– Но я и здесь неплохо живу.

– Что за жизнь под землей?

– Нормальная.

– Это только так кажется.

– Свидание прекращено!

Дружинник сделал шаг вперед.

Мать изо всех сил стиснула запястья Онера.

– Уходи, – произнесла она одними губами. – Другого такого шанса тебе уже не представится.

– Встать!

Женщина и Онер поднялись на ноги.

Онер большим пальцем прижимал к ладони крошечный кусочек бумаги.

– Вы! – Двумя сложенными вместе пальцами дружинник указал на женщину. – Следуйте на свое рабочее место!

Та низко опустила голову, обогнула дружинника и вышла из комнаты. На Онера она даже не оглянулась. Боялась, что дружинник сможет что-нибудь прочесть в ее глазах.

Дружинник внимательно посмотрел на Онера, увидел блеклые глаза на скучном лице и удовлетворенно кивнул.

– Следуйте за мной.

Выходя следом за дружинником из комнаты, Онер незаметно сунул в карман переданную матерью бумажку.

Дружинник уверенной походкой двинулся вдоль стены по нарисованной красной линии. Онер, как было велено, следовал за ним.

Дойдя до лестничной площадки, дружинник начал подниматься вверх по лестнице.

Онер в растерянности замер. Для того чтобы попасть в цех, где он работал, нужно было спуститься вниз на два уровня. Дружинник должен был это знать. И он обязан был проводить Онера на рабочее место – иначе бригадир вlepит ему взыскание.

Дружинник поднялся на восемь ступенек и, перестав слышать шаги за спиной, оглянулся.

– В чем дело? – спросил он недовольно.

– Я работаю внизу. – Онер указал на лестницу, по которой поднимались работники ночной смены. – На четвертом уровне.

– У вас сегодня день рождения, – не то спросил, не то напомнил дружинник.

– Ну... да, – не очень уверенно ответил Онер.

– Двадцать лет, – уточнил дружинник.

– Да, – кивнул Онер.

Хотя ему самому было абсолютно все равно. Двадцать, тридцать два или шестьдесят четыре – ничего не значащие цифры.

– Вам полагается двадцатиминутная прогулка под открытым небом, – сказал дружинник.

Да, точно, вспомнил Онер. В десять лет он тоже гулял под открытым небом – десять минут. Вот только никаких впечатлений от той прогулки у него не осталось. Наверное, он тогда просто не понял, что произошло. Подумал, что его зачем-то привели в чужое, незнакомое

помещение. Расплакался и проревел все десять минут. Успокоился только когда его вернули в учебную мастерскую.

– Вы можете отказаться от прогулки, – сказал дружинник.

Онер вздрогнул, как будто, подкравшись сзади, кто-то неожиданно крикнул ему в ухо.

– Нет, – тряхнул головой Онер. – Я хочу... Да... Хочу на прогулку.

Дружинник кивнул – за мной! – и снова начал перебирать ногами ступени. Онер торопливо побежал вверх по лестнице следом за провожатым.

Они поднялись на два уровня, миновали лестничную площадку, свернули в узкий коридор и оказались в комнатке странной шестиугольной формы с высоким куполообразным потолком. В комнате находился стрелец. Широкие синие полосы на рукавах комбинезона, на голове – большой круглый шлем с пластиковым забралом, на руках – перчатки из кождама с широкими раструбами, на поясе – наручники, дубинка и тазер. Стрелец стоял, широко расставив ноги и сложив руки на груди. Спинай он заслонял тяжелую металлическую дверь с наваренными на нее крест-накрест двумя толстыми металлическими балками.

Дружинник достал из нагрудного кармана сложенную вчетверо бумагу и, не разворачивая, молча протянул стрелцу.

Стрелец взял бумагу за угол и встряхнул, чтобы развернуть.

Внимательно прочитав бумагу, возможно, даже не один раз, стрелец снова сложил ее по старым сгибам, со скрипом вытянул из стены ячейку аэропочты и кинул в нее документ. С лязгом захлопнув ячейку, он ухватился обеими руками за огромный рычаг, торчащий из стены около двери, и изо всех сил потянул его вниз. Опустив рычаг до предела, он посмотрел на Онера и молча указал на дверь.

– Давайте же, – кивнул Онеру дружинник. – Время пошло!

Онер сделал шаг к двери. Но не смог набраться смелости открыть ее. В мире, в котором он вырос и жил, не было дверей. Только дверные проемы.

Должно быть, он был не один такой. Не оборачиваясь, стрелец толкнул дверь рукой. Пронзительно скрипнув, будто вскрикнув от боли, дверь наполовину приоткрылась.

Онер осторожно выглянул за дверь.

И тут стрелец толкнул его в спину.

Зацепившись ногой за высокий металлический порожек, Онер потерял равновесие и, как мешок с картошкой, упал на серый бетонный пол.

Стрелец даже не усмехнулся – он вдоволь насмотрелся на олухов с нижних уровней, – ногой перекинул стопу Онера через порог и захлопнул дверь.

Опершись на руки, Онер приподнялся и испуганно посмотрел по сторонам. Он лежал на забетонированной площадке, примыкающей к каменной стене Цитадели. Другая ее сторона полукругом была обнесена парапетом из плотно подогнанных один к другому бетонных блоков.

К Онеру подошел человек в обычной серой спецовке. Лысый, круглолицый, с оттопыренными ушами и приплюснутым носом. На вид – лет пятьдесят. Наклонился. Вытянул губы трубочкой, будто собрался свистнуть. И протянул руку.

Не понимая, что ему нужно, Онер подался в сторону.

Человек еще больше наклонился. Рука его по-прежнему тянулась к Онеру.

– Поднимайтесь, – сказал человек. – Ну же...

Онер быстро встал на четвереньки. Затем поднялся на ноги. Махнул ладонями по коленкам.

– Ну, вот, – довольно улыбнулся лысый.

Кроме них, на площадке было еще человек двадцать в серых спецовках. Разных возрастов. Не похожие друг на друга. Одни неподвижно стояли, привалившись спиной к стене. Другие бесцельно бродили из стороны в сторону. Третьи, запрокинув головы, глядели вверх. Четвертые стояли, облокотившись на парапет, и смотрели куда-то вдаль. Там же, возле парапета,

но только повернувшись к бетонным блокам спинами, находились четверо стрельцов в шлемах. Свои дубинки они демонстративно держали в руках – рукоятка сжата кистью правой руки, расширяющийся конец обхватывают пальцы левой.

Онер посмотрел на небо. Небо было хмурое. Затянутое неподвижно висящими грязно-серыми облаками. Онер знал, что облака должны плыть. Но они почему-то стояли на месте. Небо было похоже на кучу смятых комбинезонов.

Онер неуверенной походкой двинулся к ограничивающим площадку бетонным блокам. В отсутствие стен он чувствовал себя непривычно. Взгляд не находил твердой опоры. Из-за этого все пространство вокруг становилось зыбким. Онеру казалось, что пол, по которому он ступал, слегка покачивался: слева направо, вперед-назад... Онер боялся, что голова закружится и он упадет.

Добравшись до парапета, Онер прижался к нему животом и положил сверху руки. Ему сразу стало легче.

Площадка располагалась примерно на двухметровой высоте. Земля внизу и вокруг, насколько хватало глаз, была засыпана красноватым песком. В нескольких метрах от площадки в землю были врыты пронумерованные столбы, меж которыми в несколько рядов была протянута колючая проволока. Колючка проржавела, обвисла и в нескольких местах порвалась. Зато на каждом столбе красовалась табличка «Внимание! Мины!». За линией колючей проволоки простирались метров сто открытого пространства. Все тот же красноватый песок, только местами взрытый воронками, маленькими и большими. Затем – еще одна линия колючей проволоки. И снова разрытый воронками песок. Всего Онер насчитал четыре изгороди с колючкой. Последнюю было плохо видно, но она вроде была выше остальных. И там как будто была не колючка, а сплошной сетчатый забор. Из-за забора вверх возносились дома, похожие на одинаковые серые кирпичи. Даже на таком расстоянии было понятно, какие они огромные. И их было много. Очень много! Так много, что за ними ничего уже не было видно.

– Впечатляет, да? – спросил снова оказавшийся рядом лысый.

– Что это? – взглядом указал на дома-кирпичи Онер.

– Город, – ответил лысый. – Там живут бездуховники.

– Кто? – не понял Онер.

– Бездуховники, – повторил лысый. – Тоже люди, только в отличие от нас у них нет духовности.

– Совсем нет? – удивился Онер.

– Абсолютно, – улыбнулся почему-то лысый. – Ну, то есть ни капельки. Странно, да?

– Как же они так? – покачал головой Онер.

– Ну, не знаю, – пожал плечами лысый. – Привыкли, наверное.

– А колючка и мины?..

– Ну, это чтобы бездуховники к нам не забрались и нас своей бездуховностью не заразили.

– А можно заразиться?

– От одного – нет. Он, скорее, сам нашу духовность впитает. А вот если их много – это уже опасно.

Онер сунул руки в карманы. В правом кармане пальцы нащупали сложенную в несколько раз бумажку. Ту, что дала мать. «Уходи, – сказала она ему. – Уходи, пока есть молодость и силы». Почему она хотела, чтобы он убежал к бездуховникам? Она сказала, что там настоящая жизнь. А что такое настоящая жизнь?

– У вас пятьдесят минут? – спросил Онер у лысого.

– Пятьдесят! – гордо улыбнулся тот. – А еще через десять лет будет час! Целый час! Прикинь, а!

Онер представил себя выходящим на эту самую площадку еще через тридцать лет. И он так же будет радоваться тому, что его на целых пятьдесят минут выпустили на обнесенный

бетонными блоками пяточок, чтобы он посмотрел на серое, пасмурное небо, ряды колючей проволоки и Город бездуховников вдали.

Онеру стало противно. До тошноты.

И почему-то вдруг подумалось: что, если вся эта колючка и мины вовсе не для того, чтобы городские не смогли пробраться в Цитадель и заразить здесь всех своей бездуховностью? Что, если они здесь затем, чтобы никто из Цитадели не смог убежать в Город?

От таких мыслей у Онера аж голова закружилась.

Он осторожно начал разворачивать бумажку в кармане.

А лысый стоял рядом и что-то нудно бубнил.

Бумажка была очень тонкая и очень плотно сложена. Должно быть, мать долго ужимала этот крошечный квадратик, чтобы можно было спрятать его между пальцами. Но Онеру все же удалось полностью развернуть ее, не вынимая из кармана. Записка была меньше ладони.

Лысый все еще что-то говорил, указывая пальцем на дома Города.

– Слушай, я хочу побыть один, – довольно резко осадил его Онер.

Лысый обиделся. Оттопырил нижнюю губу. Провел пальцем под носом.

– Вот когда тебе самому полтинник стукнет...

Не договорив, лысый махнул рукой и потопал в другой конец площадки.

Онер бросил настороженный взгляд по сторонам.

Слева метрах в трех от него стоял высокий, худой мужчина тридцати лет. Сложившись, как уголок, он опирался локтями о бетонный парапет. Голова его была опущена, лицо лежало в ладонях.

Справа, примерно на таком же расстоянии, стоял стрелец. Но он смотрел не на Онера, а на тех, что жались у стены.

Онер прижал записку большим пальцем к ладони, вынул руку из кармана и положил на парапет.

Его охватило такое волнение, что он не сразу смог сфокусировать взгляд. Закрыв глаза, Онер собрал всю свою волю в кулак, медленно сосчитал да пяти и поднял веки.

Но даже увидев, что было нарисовано на маленьком клочке бумаги, он не сразу сообразил, что это такое. Какие-то полосы, линии, кружочки...

И вдруг он все понял!

На бумаге, что лежала у него на ладони, был нарисован защитный периметр, на который он сейчас смотрел!

Неровный полуовал на самом краешке клочка бумаги – это площадка, на которой он стоял. Огибающие ее четыре дуги – линии колючей проволоки. Помеченные цифрами кружки – столбы. Нарисованы не все – только те, что важны. Изломанная линия, пересекающая дуги, – это, надо понимать, безопасный путь на ту сторону. В Город.

Значит, первую линию колючки нужно перелезть справа от столба номер одиннадцать. Где он? Ага, вот.

Перемещаясь взглядом от одной реперной точки к другой, Онер мысленно проделал весь маршрут от Цитадели до Города. Номера на столбах третьей линии колючки можно было только угадывать, а на четвертой они так и вовсе были не видны. Но если запомнить все номера, направления движения и повороты – а память у Онера была отличная, – то можно будет сориентироваться на месте.

Онер усмехнулся и смял записку в кулаке. Он рассуждал так, будто собрался бежать. Да, но только как это сделать? И самое главное – когда? До конца прогулки осталось несколько минут. Следующая – через десять лет. К тому времени карта, что сжимал в кулаке Онер, уже устареет.

А что, если она и сейчас ведет в никуда?

Что, если мать сошла с ума и, думая все время о побеге сына, сама ее нарисовала?..

За спиной раздался надрывный скрип двери, ведущей в Цитадель.
Вздвогнув, Онер обернулся.

В открытом дверном проеме стоял стрелец, охранявший дверь изнутри. В руке у него была дубинка. Которой он принялся методично стучать по двери. На каждый удар дверь отзывалась протяжным металлическим гулом. От которого Онеру делалось не по себе.

Стукнув раз восемь или десять – к этому моменту взгляды всех находящихся на площадке были устремлены на него, – стрелец положил конец дубинки на открытую ладонь.

– Двадцать минут! – громко крикнул он.

И, повернувшись боком, указал дубинкой в глубь помещения.

Двадцатилетние, ровесники Онера, медленно, будто с неохотой, потянулись в сторону двери.

Стрелец в дверях ждал, беззвучно похлопывая концом дубинки по тыльной стороне ладони.

Внезапно один из двадцатилетних крикнул: «Нет!» – вскинул руки над головой и побежал в сторону парапета.

На полпути его перехватил дежуривший на площадке стрелец. С отяжкой он ударил парня дубинкой по животу.

Тот согнулся вдвое, но продолжал бежать. Тогда двое стрельцов повалили его на пол, завернули руки за спину и рывком поставили на ноги. Но парень все еще продолжал сопротивляться – упирался ногами в пол и даже пару раз лягнул стрельца.

На подмогу подоспели двое других стрельцов. Вчетвером они схватили бунтаря за руки и за ноги и потащили к двери.

Онер стоял в двух шагах от парапета, и рядом с ним никого не было. Стрельцы заняты работником, у которого сдали нервы.

Идеальный момент для побега, подумал Онер.

В следующий момент – Онер и сам не понял, как это произошло, – он перемахнул через парапет и мягко приземлился на красноватый, рассыпающийся под ногами песок. Вскочив на ноги, Онер бросил быстрый взгляд по сторонам, не увидел ничего, что могло бы его напугать и остановить, и сломя голову побежал к столбу с номером «одиннадцать» наверху.

Добежав до столба, он отогнул две верхние лопнувшие линии колючки, поставил ногу на одну из еще держащихся проволок, ухватился руками за столб, поднял другую ногу еще выше и, оттолкнувшись посильнее, кинулся на другую сторону ограждения.

Больше всего Онер боялся что-нибудь сломать или растянуть. Тогда он так и остался бы лежать на песке, дожидаясь, когда за ним явятся стрельцы. Но все прошло удачно – он только спецовку на локте порвал.

Вскочив на ноги, Онер отыскал взглядом столб номер четырнадцать и побежал.

Делая каждый новый шаг, он ожидал, что вот сейчас раздается взрыв... Что будет после этого, Онер даже представить боялся. Но пока все шло хорошо. Онер приободрился и даже улыбнулся.

Добежав до середины полосы, Онер развернулся и побежал в другую сторону – упершись взглядом в столб номер восемь.

И только сейчас позади него раздались крики.

– Эй! Стой!

– Стой, дурак!

– Вернись!

– Там кругом мины!

– Остановись! Не двигайся с места! Мы тебя вытащим!

«Да! Сейчас!» – подумал на бегу Онер. – Я за тем сюда побежал, чтобы вернуться! Ступайте, братцы, огородом!»

Смысл последней фразы была Онеру неясен. Он просто где-то ее услышал и запомнил. Сейчас, как ему казалось, она была очень к месту.

Поравнявшись с десятым столбом, Онер, не снижая скорости, развернулся к нему лицом.

С разбегу навалившись на столб грудью, он радостно засмеялся. Ну, вот, первая полоса пройдена. И он все еще цел и невредим. Так кто тут дурак?

Проволока на второй линии оказалась поновее и попрочнее, чем на первой. Чтобы перелезть через нее, Онеру пришлось повозиться. Один раз, чтобы не упасть, он всей пятерней ухватился за проволоку. И заорал от боли, когда колючки впились в ладонь. Спрыгивая уже по другую сторону изгороди, он вновь потерял равновесие и, падая, разорвал левое предплечье почти по всей длине, от локтя до запястья.

Поднявшись, он обрывком рукава зажал кровоточащую рану и посмотрел назад.

Стрельцы даже не думали преследовать его. Они стояли за бетонным парашетом, безучастно наблюдая за происходящим. Наверное, были уверены, что беглецу не выбраться.

Прижав к груди раненую руку, Онер отыскивал взглядом следующий ориентир и, особенно не торопясь, затрусил в выбранном направлении.

И в этот момент откуда-то сверху ударил пулемет.

Песчаные фонтанчики взлетали вверх слева и справа от Онера.

Инстинктивно пригнувшись и закрыв голову руками – как глупо пытаться таким образом защититься от пули! – Онер побежал со всей скоростью, на какую был способен.

В какой-то момент ему даже показалось, что он почти убежал от преследующих его песчаных фонтанчиков. Но только он успел об этом подумать, как сразу же – у-ух! – тяжело выдохнул миномет.

Слева от Онера земля взметнулась к небесам. Все вокруг заволочло красноватой пылью. Песок посыпался на голову и плечи беглеца.

Онер закашлялся.

Черт возьми! О пулеметах и минометах его никто не предупреждал!

Сзади снова раздалось протяжное – у-ух!

Не дожидаясь, что за этим последует, Онер кинулся в воронку, оставленную первым снарядом, скатился на самое дно и замер, скорчившись в позе эмбриона.

* * *

Ракса разбудил настойчивый стук в дверь.

– Пошли к черту! – выглянув из-под одеяла, проорал Ракс.

– Открывай, Ракс! – раздалось из-за двери. – Это мы! Открывай, Иуда!

Поскольку Ракс не торопился открывать, в дверь принялись долбить с удвоенной силой.

Прикинув, что дверь по любому долго не продержится, Ракс безнадежно вздохнул, откинул одеяло и сел на краю кровати.

– Да иду я! Иду!

Сунув ноги в расшнурованные кеды, Ракс похлопал к двери.

Не успел щелкнуть замок, как в дверь ввалилась компания друзей-приятелей – Грей, Шурик, Васька и Дантист. Все четверо в широченных штанах разных цветов и майках-алкоголичках. У Грея светло-русые волосы ниже плеч, на прямой пробор расчесаны. У Дантиста – зеленый ирокез. Васька и Шурик коротко пострижены. У Васьки волосы черные как смоль, а у Шурика – ярко-желтые. Это они, когда надумали волосы покрасить, какую-то левую краску по дешевке прикупили.

Грей сразу по-хозяйски вытащил из угла колченогий журнальный столик. Васька с Шуриком кинули на него по бумажному пакету с рекламой магазина «Все за пятак!» и плюхнулись

на незастеленную кровать. Дантист поставил на угол заводскую упаковку пива на тридцать две банки.

– Ну, вот. – Довольно улыбнувшись, Грей двумя руками откинул волосы назад. – Прошу всех к столу!

– И по какому поводу веселье? – еще до конца не проснувшись, мрачно поинтересовался Ракс.

Грей изумленно вытаращил глаза.

– Ты не в курсе?

Ракс мотнул головой и протяжно зевнул.

– Парни, – посмотрел Грей на остальных. – Он не в курсе!

– Наверное, бухал всю ночь. – Дантист присел на пол, спиной привалился к стене и поджал ноги. – Бухал, а, Ракс?

– Работал, – недовольно буркнул Ракс.

– И где теперь? – поинтересовался Васька.

– На почте.

– Полы, что ли, мыл?

– Не, почту сортировал. Для утренней доставки.

– Ну, это уже прогресс! – вскинул руку Шурик.

– Ага, – не очень радостно согласился Ракс и снова зевнул. – Вот только спать хочется.

– Все ясно – от недосыпа у него амнезия. – Грей достал из кармана нож с выкидным лезвием, вспорол пластиковую упаковку и кинул каждому по банке пива. Еще одну он сам открыл и протянул персонально Раксу. – Держи!

– Спасибо. – Ракс взял банку, приподнял ее и наконец-то улыбнулся. – Ваше здоровье, парни!

– Э нет! – тут же протестующе взмахнул руками Грей. – Твое здоровье! – Он схватил еще одну банку, откупорил ее для себя и чокнулся с Раксом. – С днем рождения, Ракс!

Ракс удивленно глаза вытаращил.

– Чего?

– У тебя сегодня день рождения, приятель! – радостно крикнул Шурик.

– Двадцатник тебе стукнуло, чудила! – добавил Васька.

Ракс усмехнулся, наклонил голову и хлопнул себя ладонью по коротко стриженному затылку.

– Как вы узнали?

– Есть такая штука. – Из заднего кармана штанов Грей достал потертый смартфон с треснувшим экраном. – С ее помощью можно узнать все что угодно.

– Ладно, хорош резину тянуть! – Дантист внезапно вскочил на ноги, стукнул своей банкой пива о ту, что держал Грей, затем о банку в руке Ракса. – С днем рождения, обормот! – рявкнул он. Залпом осушил банку, смял ее в кулаке и кинул в мусорную корзину.

Ракс включил аудио. Колонка у него была всего одна, зато звук он вывернул на максимум. И понеслось веселье!

Когда пепельница наполнилась раздавленными окурками, а мусорная корзина – пустыми банками, парни решили, что нужно выйти проветриться.

Погода была не фонтан. Серое небо морщилось и хмурилось, будто в носу у него свербело от дыма, что без устали выдували высоченные трубы Цитадели. Временами налетал порывистый ветер, гнавший по заасфальтированным мостовым вездесущий красный песок. Но все же на улице было лучше, чем в тесной, прокуренной комнатухе.

К тому же тут всегда было на что поглазеть.

В застекленной витрине самого большого в городе кинотеатра «Марсианин» стоял огромный плоский экран, на котором крутили трейлеры самых новых фильмов, которые в нормаль-

ном качестве только через полгода с Земли привезут. Земляне почему-то жуть как любили снимать фильмы о Марсе. А уж как они себе представляли жизнь на Марсе – это оборжаться можно!

В торговом центре «Водный мир» можно было поглазеть на огромные, высотой в три этажа, аквариумы с земными рыбами. Правда, всякие умники утверждали, что на самом деле это не настоящие рыбы, а биоформы, созданные в местной генетической лаборатории, принадлежащей «Биогену». Да кому какая разница! Все равно ведь прикольно посмотреть на то, как здоровенная рыбина, хлопая жабрами, тычется своим тупым рылом в стекло. А уж кормление акул – это вообще особая забава! Акул держали в отдельном резервуаре и кормили два раза в день, строго по расписанию. Народ загоя занимал места, чтобы потаращиться на то, как эти зубастые твари заглатывают здоровенные куски сырого мяса. Тоже, кстати не настоящие, а из протореакторов «Биогена». И что с того? Кому какая разница? Все сами его едят да нахваливают. Все равно ведь настоящего мяса никто не пробовал. Настоящее мясо, что выращивается на фермах в «Агро-Сити», стоит столько, что его могут себе позволить только богатеи из Северных Высоток. А обычные люди рады, если на «биогенное» мясо удастся заработать.

По улице с негромким стрекотом проносились новенькие блестящие «Теслы»-беспилотники с затемненными стеклами. Кто в них сидел и куда направлялся – можно было гадать сколько влезет. Все равно это оставалось тайной за семью печатями. Машины бесшумно, будто призраки, выскальзывали из подземных гаражей и так же внезапно в них исчезали. На улице возле тротуара они никогда не останавливались.

Спустившись до конца улицы, парни вышли к окраине Города. Здесь асфальт упирался в трехметровую песчаную полосу. Дальше стояла пятиметровая изгородь, затянутая частой металлической сеткой. За изгородью начиналась заградительная полоса с минным полем, отделяющая Город от Цитадели. С того места, где остановилась компания, Цитадель была похожа на чудовищного зверя из старого фантастического фильма, гибрида живого существа и машины, выползающего из-под земли и от натуги вовсю пыхтящего огромными, упирающимися в небо трубами.

Парни свернули налево и пошли вдоль изгороди.

– Вот в Цитадели, говорят, проблем с работой нет. – Васька кивнул на серое здание за решеткой.

– У них там другие проблемы. – Грей достал из кармана новую банку пива и резко дернул за кольцо.

Из банки с шипением полезла пена, и Грей, чтобы не потерять ни капли, припал к ней губами.

– И какие же у них проблемы? – спросил Ракс.

– У них там строевая дисциплина, – вытерев губы тыльной стороной ладони, ответил Грей.

– Это что значит?

– То, что они все делают только по команде.

– Ну, может, оно и неплохо, – не очень уверенно пожал плечами Шурик. – Когда порядок.

– Это уже не порядок, а тотальный контроль, – презрительно скривился Грей.

– А ты откуда знаешь? – спросил Ракс.

Грей достал из кармана смартфон и многозначительно помахал им.

– Да брось ты! – усмехнулся Дантист. – В Сети чего только не пишут!

– Не только в Сети. – Грей понизил голос, как будто кто-то мог их подслушать. – Мне Слепой давал книжки почитать, которые нелегально с Земли привезли.

– И что в этих книжках?

– То, что в Цитадели люди существуют фактически на уровне рабов.

– Чьих?

– В том-то и фокус, что ничьих! Они являются рабами системы, которую сами когда-то создали.

– Но кто-то же там всем управляет?

– Похоже, что никто, – развел руками Грей. – Система работает сама по себе. Смысл ее в беспрекословном подчинении и безоговорочном выполнении всех приказов. Система обеспечивает людей самым минимумом того, что им необходимо для существования, – еда, одежда, медицинская помощь, даже какие-то развлечения у них там есть. За это человек работает на систему.

– А у нас не то же самое? – усмехнулся Ракс. – На социалку разве что только с голоду не помрешь. Хочешь чего-то большего – иди вкалывать! Только сначала еще работу найти надо.

– Не утрируй, – погрозил Раксу пальцем Грей. – На социалку мы себе еще и это можем позволить. – Он щелкнул ногтем по банке с пивом. – И барахлишко кой-какое путевое на распродаже прикупить можно. Но самое главное, – Грей поднял указательный палец, – в Городе ты волен делать то, что хочешь. Можешь одеваться, как захочешь, выбирать, что пожрать, слушать музыку, какая нравится. А там, – он пальцем указал на Цитадель, – каждый должен быть таким, как все.

Ракс допил пиво и, размахнувшись, кинул пустую банку в изгородь.

– Может, нам все врут про Цитадель? А на самом деле там не жизнь, а клубника со сливками? Ведь никто же там не был с тех самых пор, как защитный периметр установили. А когда это было?

– Точно до моего рождения, – сказал Дантист.

– И мой отец говорит, что заградительный периметр вокруг Цитадели был всегда, – поддакнул Шурик.

– Я понял! – насмешливо щелкнул пальцами Грей. – На самом деле защитный периметр не вокруг Цитадели, а вокруг Города!

– А что, кто-нибудь проверял? – с напускной серьезностью поинтересовался Ракс. – Ты сам, Грей, выходил когда-нибудь за пределы Города?

– Я могу сделать это, когда захочу, – ответил Грей.

– Так, может, и люди в Цитадели могут сделать это по первому желанию. Вот только не хотят.

– Система внушает им, что жизнь в Городе ужасна. А в Цитадели человек живет, ни о чем не задумываясь, защищенный от любых нападений, потому что о нем заботится система.

– А разве не так? – дурашливо округлил глаза Ракс. – Разве плохо, когда о тебе заботятся?

– Ты, видно, не слушал, что я говорил, – с сожалением развел руками Грей.

– Да я не хочу ничего слушать! Потому что мне всю жизнь только врут!

– Я тебе никогда не врал.

– Не о тебе сейчас речь. Мне с детства твердили, что, когда я вырасту и окончу школу, передо мной будут открыты все пути. Я смогу выучиться на кого захочу. На врача, на инженера или даже на археолога! Оказалось – ни фиги подобного! Система бесплатного дистанционного обучения для граждан Марса не предусмотрена! Да и что дипломированному археологу делать на Марсе? Выбор доступных нам профессий оказался не столь уж велик – об этом нам тоже ничего не говорили. И о том, что нас никогда даже близко не подпустят к Северным Высоткам, – это тоже оказалось сюрпризом! Все, что нам обещали, оказалось враньем. Почему же тогда мы должны верить в то, что говорят о Цитадели?

– Цитадель существует. Вон она!

– Да, но это все, что мы о ней точно знаем. Все остальное – пересказы с чужих слов.

– Ну, так сбегай сам и посмотри!

– Ты знаешь, я так и сделаю.

Ракс решительно повернул в сторону изгороди. Песок сухо хрустнул под подошвами кед.

– Эй, Ракс, кончай чудить! – окликнул его Шурик.

– Верно, парень, не дури, пойдем отсюда, – поддержал приятеля Дантист.

– Там мины, Ракс, – сухо произнес Грей.

– Вот только не надо держать меня за лоха! – быстро обернувшись, показал ему палец Ракс. – Посмотри на ту сторону. Видишь, кошачьи следы? Кошка пробежала по минному полю и не взорвалась. Я пойду по ее следам.

Ракс присел на корточки, ухватился за надорванный край сетки и резко отогнул ее в сторону.

– Подержи, – попросил он Ваську.

Тот послушно взялся за сетку и еще сильнее оттянул ее.

Ракс усмехнулся, окинул приятелей странным взглядом, не то насмешливым, не то сочувствующим, встал на четвереньки и быстро пролез через дыру на другую сторону изгороди.

– Это глупо, Ракс – прижал ладони к сетке Грей. – Кому и что ты хочешь доказать?

– Не знаю, – дернул плечом Ракс. – Честное слово, не знаю.

– Тогда зачем?..

– Мне просто надоело.

– Что именно?

Ракс на секунду задумался.

– Да пожалуй, что все, – улыбнулся он и уверенно зашагал вперед.

Кошачий след довел его до изгороди из колючей проволоки, выглядевшей так, будто ее поставили лет сто тому назад. Проволока проржавела и буквально рассыпалась под пальцами.

Ракс разломал несколько нижних линий колючки, аккуратно отогнул их в сторону и перебрался на другую сторону.

Он не успел еще подняться в полный рост, когда с оглушительным грохотом заработал пулемет.

Сидя на корточках, Ракс прижался спиной к столбу. Он решил, что стреляют из Города. Полицейские увидели с помощью камер наблюдения, что произошло, и быстро прибыли на место. Но очень скоро Ракс сообразил, что пулемет находится на одном из ярусов Цитадели. И стреляет он не по нему, а по человеку в сером комбинезоне, бегущему по минному полю.

Не зная, что делать, Ракс будто оцепенел.

Бум! – громыхнул миномет. Снаряд прочертил в воздухе пологую дугу и зарылся в землю слева от бегущего.

– Ни фиги себе! – одними губами произнес пораженный Ракс.

Человек в сером метнулся в сторону и нырнул в оставленную разорвавшимся снарядом воронку.

А песчаные фонтанчики от зарывающихся в землю пуль – цверк! цверк! цверк! – быстро потянулись в сторону Ракса.

Плохо соображая, что делает, Ракс вскочил на ноги, отпрыгнул в сторону от взметнувшихся вверх едва ли не из-под самых носков его кед песчаных фонтанчиков и побежал к той же воронке, в которой укрылся человек из Цитадели.

Он бежал так, как не бегал никогда в жизни. А под конец еще и прыгнул с разбегу.

Человек, лежавший на дне воронки, едва успел в последний момент откатиться в сторону. Иначе бы Ракс точно что-нибудь ему сломал. А так он зарылся пятками в песок и упал на спину.

Перед глазами было серое, сморщенное небо. Сверху продолжал долбить пулемет. И еще пару раз ухнул миномет.

Но здесь, на дне воронки, они были в безопасности.

Ракс с облегчением выдохнул и посмотрел на соседа.

– Ты из Цитадели?

Тот молча кивнул.

– А куда бежал?

– В Город.

– Почему?

– Надоело все... А ты?..

– Я из Города. Бежал в Цитадель. По той же самой причине. Меня, кстати, зовут Ракс.

– Я – Онер.

Ракс достал из кармана последнюю прихваченную из дома банку пива, открыл ее и сделал большущий глоток.

Онер, глядя на него, аж рот от изумления разинул.

– Никогда такого не видел? – спросил Ракс.

Онер отрицательно мотнул головой.

– И пива не пил?

Онер снова помотал головой.

– Попробуй, – протянул ему банку Ракс. – Хорошая штука.

Онер взял банку в руку, осмотрел ее со всех сторон, затем осторожно поднес к губам и, подражая Раксу, сделал глоток. Шипящий, пенящийся напиток ударил в нос. Онер закашлялся.

– Ничего, это с непривычки, – улыбнулся Ракс, забирая у него банку.

Наверху дважды ухнул миномет.

И все затихло.

Ни стрельбы, ни взрывов снарядов.

Ничего не было слышно.

Вообще – ничего.

– Что мы делаем здесь, Онер?

Ракс и Онер посмотрели друг другу в глаза, надеясь увидеть хотя бы намек ответа на этот, казалось бы, вполне очевидный вопрос.

– Ладно, об этом потом подумаем. – Ракс сделал глоток и протянул банку с пивом Онеру. – Как выбираться будем?

Леонид Кудрявцев

Я пасу дедушек

1

Наст явно стал толще. Я приказал подопечным остановиться и нарастить на лапах броню. Это должно было сказаться на скорости передвижения, но я сейчас никуда не торопился, а вот если стадо изрежет конечности, придется устраивать привал, пока не заживут.

Через полчаса я спустился вниз и сделал все необходимые замеры. Потом забрался обратно на главную платформу и, окунувшись в тепло защитного купола, снял верхнюю одежду. Здесь в ней нужды не было.

Теперь следовало продолжить движение, но я решил сначала перекурить и достал из кармана трубку. Набивая ее табаком, я одного за другим рассматривал своих подопечных.

Десять жилых платформ, выращенных мной с личиночной стадии, вовремя привитых всеми необходимыми программами, уже почти достигших требуемого для продажи возраста, достаточно сильных и умных, способных в самый лютый холод создать комфортное жилье любому, пожелавшему их купить. Есть повод для гордости. Вот подкормлю их хорошенько железом, кое-какими элементами, и можно гнать на торжище. Расплачусь с долгами и отложу некоторую сумму на черный день.

Прикидывая, на какое именно месторождение следует пристроить молодняк, я докурил трубку. Тщательно ее выбив, сунул в карман, и в то же мгновение у меня на руке ожил коммуникатор.

– Здравствуй, Морууса пышиноволосая, – сказал я, активизировав его, – из недр Всеобщей паутины явившаяся, самая соблазнительная из всех диспетчеров важнейшего на свете управления.

– Все веселишься, Бааса?

Ни тени улыбки. Единственная дежурная, которую мне до сих пор еще не удалось пронять таким образом. Красивая, незамужняя и напрочь лишенная чувства юмора. Или она его ловко скрывает? Загадка.

– Судя по всему, ты готова сразить меня какой-то новостью, словно молнией с ясного неба? О жестокосердная.

– Именно так. Ты соглашение с институтом восстановления подписывал?

А вот теперь шутки прочь. Это был серьезный вопрос.

– Что случилось?

– Подписывал?

– Да. Мне немного не хватало на качественные личинки.

– Тогда все верно. Тебе сегодня должны привезти дедушек. Будешь пасти их две недели. Холить, лелеять, кормить и следить, чтобы не влипли в неприятности. Фактически они детишки, а детям подобное свойственно.

– Но я...

– В свое время их чинуши изучили твое досье вдоль и поперек и пришли к выводу, что ты достаточно квалифицирован, опытен и им подходишь. Потом выдали деньги. Экранолет прилетит часа через два.

– Но у меня сейчас...

– Не ври мне. Перегон у тебя самый обычный, и, стало быть, есть время выполнить договорные обязательства.

– Ты понимаешь, что люди и биомехи существенно отличаются? Я не психолог, а о дедушках совсем ничего не знаю.

– И как каждому хорошему специалисту тебе в глубине души хочется попробовать что-то необычное. Не так ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.